

18+

ЗАПЛЫВ ДОМОЙ

ДЕБОРА ЛЕВИ

ОТ АВТОРА «ГОРЯЧЕГО МОЛОКА»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Заплыв домой
Дебора Леви

Аннотация
Дебора Леви. Заплыв домой
Приморские Альпы, Франция. Июль 1994
  На горной дороге. В полночь
Суббота
  Дикий зверь
  Интерпретация улыбки
  Урок ботаники
  На горной дороге. В полночь
  Имитация жизни
  Стены, которые смыкаются и размыкаются
  О хороших манерах
Воскресенье
  Кто украл болиголов
  Инопланетяне, тоскующие по дому
Понедельник
  Зверолов
  Унесенная в страну фей
  Дочки-матери
  Дочки и папы
  Время собирать камни
  Медицинская помощь по-одесски

Вторник
  Чтение и письмо
  Фотография
  Живность
Среда
  Электрические тела
Четверг
  Сюжет
  Верхом на пони
Пятница
  По дороге куда?
  Метафоры
  Иностранные языки
  Деньги всегда жесткие
  Нина-Екатерина
  Репортаж с места событий
Нина Джейкобс. Лондон, 2011

Аннотация

Когда две семейные пары приезжают на виллу недалеко от Ниццы, их ждет сюрприз — выходящая из бассейна обнаженная женщина. Ее зовут Китти Френч, она называет себя ботаником и странно себя ведет. Эта женщина-загадка внесет раздор в хрупкое устройство семьи. Кто она на самом деле? Что она делает на вилле? И почему ей разрешают остаться? «Заплыв домой» — роман с секретами. И главное, что волнует автора, — непознаваемая сущность человека.

Дебора Леви
Заплыв домой

Deborah Levy
SWIMMING HOME

© 2011, Deborah Levy.
All rights reserved
Фото автора © Sheila Burnett
Фотография на переплете: © Michael Damanti / EyeEm / Gettyimages.ru

Серия «Интеллектуальный бестселлер»

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2018

* * *

Сэйди и Лейле, столь дорогим
мне — навсегда

По утрам в каждой семье мужчины, женщины и дети, если у них не находится других дел, рассказывают друг другу свои сны. Мы все пребываем во власти сна, и наш долг перед собой — распространить эту власть и на мир бодрствующих.

«Сюрреалистическая революция», № 1, декабрь 1924.

Приморские Альпы, Франция
Июль 1994

■

На горной дороге. В полночь

Когда Китти Финч убрала руку с руля и сказала, что любит его, он уже не понимал, что происходит: она ему угрожает или просто поддерживает разговор. Когда она горбилась над рулем, шелковое платье сползало с плеч. На дорогу выскочил кролик, машина вильнула. Он услышал свой голос словно издалека:

— Почему бы тебе не поехать в Пакистан? Ты же хотела увидеть тамошние маковые поля.

— Да, — сказала она.

Он чувствовал запах бензина. Ее руки, парившие над рулем, напоминали чаек, которых они считали из окна номера в отеле «Негреско» два часа назад.

Она попросила его открыть окно у пассажирского сиденья, чтобы ей было слышно, как в лесу перекликаются насекомые. Он опустил стекло и очень ласково попросил ее смотреть на дорогу.

— Да, — повторила она, все-таки сосредоточившись на шоссе.

Потом она сказала, что на Лазурном Берегу ночи всегда «нежные». А дни жесткие и пахнут деньгами.

Он высунул голову в окно, и холодный горный воздух обжег его губы. Когда-то в этом лесу, что теперь стал дорогой, жили древние люди. Они знали прошлое, обитавшее в камнях и деревьях. Они знали, что их желания сводят с ума, смущают, придают им загадочности и все портят.

Близость с Китти Финч была для него наслаждением и болью, потрясением, экспериментом, но прежде всего — ошибкой. Он опять попросил ее ехать помедленнее и доставить его домой в целости и сохранности. Домой, где его ждали жена и дочка.

— Да, — сказала она. — Жизнь стоит того, чтобы жить, лишь потому, что мы надеемся, что когда-нибудь все наладится и мы вернемся домой целыми и невредимыми.

Суббота

Дикий зверь

Бассейн на территории туристической виллы больше напоминал пруд, чем томные голубые бассейны из рекламных буклетов. Пруд в форме прямоугольника, вырезанный из камня семейством итальянских каменотесов, поселившихся в Антибе. Тело плавало на глубокой стороне бассейна, где в густой тени сосен вода всегда оставалась прохладной.

— Там медведь?

Джо Джейкобс вяло махнул рукой в сторону бассейна. Он чувствовал, как солнце печет сквозь рубашку, которую его личный портной-индус сшил из отреза натурального шелка. Спина горела. На июльской жаре плавился даже асфальт на дорогах.

Его дочь Нина Джейкобс четырнадцати лет от роду стояла на краю бассейна в новом раздельном купальнике с вишнями и с тревогой поглядывала на мать. Изабель Джейкобс снимала джинсы, словно собиралась нырнуть. Краем глаза Нина видела, как Лора и Митчелл, давние друзья Джейкобсов, отдыхавшие с ними на вилле, отставили чашки с чаем и подошли к каменным

ступенькам на мелкой стороне. Лора, стройная великанша ростом в шесть футов и три дюйма, сбросила босоножки и вошла в воду по колено. Старый желтый надувной матрас ударился о мшистый бортик, раскидав пчел, плававших в воде на разной стадии умирания.

— Что там, Изабель?

С того места, где стояла Нина, было видно, что это женщина. Голая женщина плавает под водой. Ее руки раскинуты, как лучи морской звезды, длинные волосы колышутся, словно водоросли.

— Йозеф считает, что это медведь, — ответила Изабель Джейкобс бесстрастным голосом военного корреспондента.

— Если это медведь, я его подстрелю.

Митчелл буквально на днях приобрел два антикварных персидских ружья на блошином рынке в Ницце и только и думал, кого бы подстрелить.

Вчера они все обсуждали газетную статью о девяносточетырехкилограммовой медведице, спустившейся с гор близ Лос-Анджелеса и искупавшейся в бассейне одного голливудского актера. По данным лос-анджелесской Службы охраны животных, медведица была в течке. Актер вызвал спасателей. В животное выстрелили из ружья с транквилизатором и выпустили на во-

лю в ближайших горах. Джо Джейкобс принялся рассуждать вслух, каково было зверюге плестись домой под дозой транквилизатора. Добралась ли она до дома? Может быть, она стала забывчивой и рассеянной? Не кружилась ли у нее голова, не начались ли галлюцинации? Возможно, из-за барбитуратов, содержащихся в шприце так называемого химического захвата, у медведицы тряслись лапы? Или транквилизатор помог ей справиться с затянувшимся стрессом, успокоил ее взбаламученный разум, и теперь она будет ходить по лесам и клянчить у егерей мелкую добычу, накачанную барбитуратовым сиропом? Джо замолчал только тогда, когда Митчелл наступил ему на ногу. Митчелл знал, что заставить паскуду-поэта (для читателей — ДГД, для всех остальных, кроме жены, — Джо) заткнуться очень и очень непросто.

Нина наблюдала, как ее мать нырнула в мутно-зеленую воду и подплыла к женщине. Наверное, маме было не привыкать извлекать из воды распухшие тела. Когда в эфир выходили ее репортажи, рейтинги новостных программ всегда поднимались. Мама исчезала в Северной Ирландии, Ливане или Кувейте, а потом возвращалась домой как ни в чем не бывало, словно выходила

за молоком в магазин за углом. Рука Изабель Джейкобс уже потянулась к лодыжке женщины, плававшей под водой в их бассейне. Резкий яростный всплеск испугал Нину. Она подбежала к отцу. Он схватил за обгоревшее на солнце плечо, и она громко вскрикнула. Когда из воды вынырнула голова, шумно хватая ртом воздух, на один жуткий миг Нине показалось, что эта голова ревет, как медведь.

Женщина с мокрыми волосами до пояса выбралась из бассейна и побежала к пластиковым шезлонгам. Совсем молодая, лет двадцати, может, чуть больше, но сложно было сказать наверняка, потому что она металась, как сумасшедшая, от одного шезлонга к другому в поисках платья. Платье упало на землю, но никто не подсказал: все таращились на ее голое тело. На лютой жаре у Нины кружилась голова. Она задыхалась от горько-сладкого аромата лаванды, сгущавшегося в неподвижном воздухе. Хриплое дыхание странной женщины сливалось с жужжанием пчел в поникших цветах. Нина подумала, что, наверное, у нее солнечный удар. Казалось, она сейчас грохнется в обморок. Сквозь застилавшую глаза пелену она разглядела, что грудь у женщины на удивление пышная и большая для такой

хрупкой фигуры. Кости таза выпирали из-под кожи, и поэтому казалось, что длинные ноги незнакомки держатся на шарнирах, как у куклы. Единственное, что представлялось реальным в этой «кукольной» женщине, — треугольник золотистых волос между ног, блестевших на солнце. При виде их Нина сгорбилась и скрестила руки на груди, чтобы ее собственное тело сделалось как можно меньше, а лучше бы и вовсе исчезло.

— Вот ваше платье.

Джо Джейкобс указал пальцем на кучку смятого синего хлопка под одним из шезлонгов. Они все так долго таращились на нее, что это было уже неприлично. Женщина схватила платье и быстро надела через голову.

— Спасибо. Кстати, меня зовут Китти Финч.

На самом деле она сказала: «Меня зовут Кы-Кы-Кы», — и заикалась, наверное, минуты три, пока не дошла до «Китти Финч». Все с нетерпением ждали, когда она договорит.

Нина вдруг поняла, что ее мама по-прежнему сидит в бассейне. Когда она все-таки выбралась из воды, ее мокрый купальник был облеплен серебристыми сосновыми иглами.

— Меня зовут Изабель. Мой муж думал, что вы медведь.

Джо Джейкобс скривил губы, чтобы не рассмеяться.

— Ничего я такого не думал.

Глаза Китти Финч были серыми, как тонированные стекла «мерседеса», взятого Митчеллом в прокате и теперь припаркованного перед виллой.

— Надеюсь, вы не сердитесь, что я искупалась в бассейне. Я только приехала, а сегодня *так* жарко. Случилась накладка со сроком аренды.

— Какая накладка? — Лора смотрела на молодую женщину с такой неприязнью, словно та вручила ей штрафной талон за парковку в неположенном месте.

— Ну, я думала, что буду жить здесь две недели начиная с этой субботы. Но здешний смотритель…

— Если можно назвать смотрителем этого вечно укуренного лентяя Юргена, — скривился Митчелл. Произнося это имя, он аж вспотел от отвращения.

— Да. Юрген говорит, я перепутала даты и теперь мне придется распотрошить депозит. Я потеряю проценты.

Юрген, хиппи из Германии, вечно все путал и никогда ничего не знал наверняка. Он называл

себя «дитя природы» и не расставался с «Сиддхартхой» Германа Гессе.

Митчелл воздел вверх указательный палец:

— Есть вещи страшнее, чем потеря процентов по депозиту. Мы собирались вас усыпить и оттащить в горы.

Китти Финч подняла левую ногу и медленно вытащила занозу из пятки. Она посмотрела на Нину, которая все еще пряталась за спиной у отца, и улыбнулась:

— Красивый купальник. — У Китти были кривые передние зубы, наезжавшие друг на друга. Ее волосы, высыхая, закручивались медно-рыжими кудрями. — Как тебя зовут?

— Нина.

— Скажи мне, Нина, по-твоему, я похожа на медведя?

Она скрючила пальцы, как когти, и сделала вид, что вонзает их в синее небо без единого облачка. Ее ногти были накрашены темно-зеленым лаком.

Нина покачала головой, потом проглотила слюну не в то горло и закашлялась. Все расселись. Митчелл плюхнулся в кошмарного вида синее кресло, потому что был самым толстым, а кресло — самым большим. Лора села на розовый

плетеный стул, Изабель и Джо — в белые кресла-шезлонги. Нина примостилась на краешке папиного шезлонга и принялась возиться с пятью серебряными кольцами для пальцев ног. Эти кольца ей подарил Юрген сегодня утром. Все расположились в тени, и лишь Китти Финч осталась на солнцепеке и неловко присела на корточки на раскаленных каменных плитах.

— Вам негде сесть. Я принесу стул.

Изабель отжала кончики мокрых волос. Капли воды заблестели у нее на плечах и поползли вниз по руке, как змеи.

Китти густо покраснела и покачала головой:

— Не надо. Не беспокойтесь, пы-пы-пожалуйста. Я просто жду Юргена. Он мне скажет название отеля, и я сразу уйду.

— Конечно, вам надо сесть.

Лора озадаченно и даже немного встревоженно наблюдала, как Изабель тащит к бассейну тяжеленный деревянный стул, покрытый пылью и паутиной. На пути встретились препятствия. Красное ведро. Разбитый цветочный горшок. Два пляжных зонта, вбитых в бетонные тумбы. Ей никто не помог, потому что никто толком не понял, что она собирается сделать. Изабель, уже успевшая заколоть мокрые волосы большой

заколкой в виде лилии, поставила стул между своим шезлонгом и шезлонгом мужа.

Китти Финч нервно взглянула на Изабель и на Джо, словно никак не могла понять, что происходит: ей предлагают стул из любезности или чуть ли не силой принуждают присесть. Она принялась смахивать паутину подолом платья, слишком старательно и слишком долго, но потом все-таки села. Лора сложила руки на коленях, будто готовилась провести собеседование с соискателем на работу.

— Вы бывали здесь раньше?

— Да. И не раз.

— Чем вы занимаетесь? — Митчелл выплюнул в миску косточку от оливки. — Вы работаете?

— Да, я ботаник.

Джо погладил порез от бритвы у себя на подбородке и улыбнулся Китти:

— В вашей профессии много диковинных слов.

Его голос был на удивление мягким, словно он чувствовал, что Китти Финч обижает допрос, который ей учинили Лора с Митчеллом.

— Да. Джо обожает ди-ко-вин-ные слова, потому что он поэт. — Слово «диковинные» Митчелл произнес, подражая аристократу в эстетическом ступоре.

Джо откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Не обращайте на него внимания, Китти, — небрежно проговорил он, но, кажется, замечание Митчелла его задело. — Митчеллу все ди-ко-вин-но. Как ни странно, это лишь укрепляет его уверенность в своем превосходстве.

Одну за другой Митчелл засунул в рот пять оливок и выплюнул косточки, целясь в Джо, словно это были пули из его антикварных ружей.

— А пока что… — Джо чуть подался вперед. — Может быть, вы нам расскажете, что такое семядоли?

Китти кивнула и подмигнула Нине.

— Семядоли — это эмбриональные листья. Они же становятся первыми листьями саженца, когда он прорастает. — Ее заикание как будто прошло.

— Все верно. А теперь мое любимое слово… Как бы вы описали лист?

— Китти, — строго проговорила Лора, — здесь много отелей. Наверное, вам надо пойти поискать себе номер.

Наконец пришел Юрген с длинными серебристыми дредами, собранными в хвост на затылке, и сообщил, что до четверга все отели в деревне заполнены под завязку.

— Значит, до четверга поживете у нас. — Изабель произнесла это так, словно сама удивилась тому, что сказала. — Кажется, у нас есть свободная комната.

Китти нахмурилась и откинулась на спинку стула.

— Да, спасибо. А все остальные не возражают? Если вы против, скажите сразу.

Нине казалось, что Китти Финч чуть ли не просит их возразить. Сама Китти сидела вся красная, судорожно поджимая пальцы ног. Нина чувствовала, как колотится ее собственное сердце. Бьется, словно в истерике, глухо стучит о ребра. Посмотрела на Лору и увидела, что та сплела пальцы в замок. Лора явно собиралась сказать, что она против. Они с Митчеллом на все лето закрыли свой магазин в Юстоне, зная, что окна, которые в этом году уже трижды разбивали воры и наркоманы, к осени будут разбиты снова, и поехали в Приморские Альпы, чтобы избежать бесполезных усилий и трат на замену разбитых стекол. Лора поймала себя на том, что мучительно подбирает слова. Эта юная рыжеволосая женщина напоминала окно, которое только и ждет, что в него кто-то залезет. Окно, которое, как Лора смутно догадывалась, уже было надтресну-

то. Она не могла быть уверена на сто процентов, но ей казалось, что Джо Джейкобс уже втиснул ногу в разлом и жена ему помогла. Она тихонько откашлялась и собиралась высказать все начистоту, но ее мысли были настолько сумбурны и невыразимы, что, пока она думала, что сказать, Юрген ее опередил:

— Ну что, Китти-Котя, я отнесу твои вещи в комнату?

Все посмотрели туда, куда Юрген указывал желтым от никотина пальцем. Слева от застекленных парадных дверей виллы лежали две синие холщовые сумки.

— Спасибо, Юрген.

Китти небрежно взмахнула рукой, словно он был ее личным лакеем.

Юрген наклонился и подхватил ее сумки.

— Что это за веник? — Он потыкал пальцем в спутанный клубок цветущих растений, торчавших из второй сумки.

— Я их нашла на церковном кладбище рядом с кафе Клода.

Юрген, кажется, впечатлился.

— Надо назвать их травой Китти-Коти. Это научно-исторический факт. Охотники за растениями часто давали собственные имена своим

находкам.

— Ага.

Она смотрела мимо него прямо в темные глаза Джо Джейкобса, как бы говоря: «Юрген ласково называет меня Китти-Котей».

Изабель подошла к краю бассейна и нырнула. Она плыла под водой, вытянув руки вперед, и увидела на дне бассейна свои часы. Резко ушла вниз и подхватила их с зеленой кафельной плитки. Когда она вынырнула, старая англичанка, жившая по соседству, помахала ей со своего балкона. Изабель помахала в ответ и только потом поняла, что Маделин Шеридан машет Митчеллу, который громко ей кричит.

Интерпретация улыбки

— Мад-леееен!

Ее зовет этот толстяк, обожающий старинные ружья и пистолеты. Маделин Шеридан, сидевшая на балконе в плетеном кресле, подняла руку, скрюченную артритом, и помахала ему двумя вялыми пальцами. Ее тело превратилось в свалку испорченных запчастей. Она окончила медицинский, она знает, что скелет ее кисти состоит из двадцати семи костей, только в запястье — восемь, в ладони — пять. Ее пальцы пронизаны нервными окончаниями, но теперь эти пальцы уже с трудом шевелятся.

Маделин хотела напомнить Юргену, который заносил в дом сумки Китти Финч, что через шесть дней у нее день рождения, но она не собиралась выглядеть в глазах английских туристов жалкой, истосковавшейся по человеческому вниманию старухой. Возможно, она уже умерла и теперь наблюдает с того света за драмой прибытия юной барышни? Четыре месяца назад, в марте, когда Китти Финч жила на туристической вилле одна (вероятно, приехала изучать горные растения), она сообщила Маделин Шеридан, что

помидорам нужно пространство и ветер, чтобы у них выросли крепкие стебли, и предложила проредить листья. Занимаясь прополкой, она что-то шептала себе под нос; пы-пы-пы, кы-кы-кы — неприятные, жесткие звуки падали с ее губ, точно камни. Маделин Шеридан, искренне убежденная, что прежде, чем сдаться и сойти с ума, человек должен многое выстрадать, попросила ее замолчать. Прекратить издавать эти звуки. Немедленно. Сегодня суббота, и эти звуки вернулись во Францию, чтобы ее изводить. Им даже предложили комнату на вилле.

— Мад-лееееен! Сегодня я буду готовить говядину. Придете к нам ужинать?

Сверху лысина Митчелла напоминала блестящий розовый купол. Маделин Шеридан щурилась на ярком солнце. Мясо она любила, и по вечерам ей частенько бывало одиноко. Она задумалась, хватит ли ей решимости отказаться от приглашения Митчелла. Да, наверное, хватит. Когда семейные пары предлагают одиноким скитальцам приют или пищу, на самом деле их не принимают в семью. С ними играют. Разыгрывают перед ними спектакль. А когда представление подходит к концу, гостю со всей деликатностью намекают, что пора и честь знать. Супруги только

и делают, что старательно разрушают жизни своих половинок, делая вид, что желают им только добра. Одинокие гости лишь отвлекают их от излюбленного занятия.

— Мад-леееен!

Кажется, Митчелл взвинчен сильнее обычного. Вчера он сказал ей, что видел в Вильфранш-сюр-Мере Кита Ричардса. Ричардс пил пепси, и Митчеллу очень хотелось к нему подойти и попросить автограф. Но он все-таки не подошел, потому что, по его словам, «со мной был паскуда-поэт, и он грозился дать мне пинка за то, что я такой нестерпимо нормальный».

Митчелл с его рыхлыми, креветочно-розовыми руками весьма позабавил Маделин, когда угрюмо заметил, что Джо Джейкобс не из тех утонченных поэтов, кто мечтательно глядит на луну и у кого напрочь отсутствует мышечный тонус. Джо способен зубами поднять платяной шкаф. Особенно если в шкафу прячется красивая баба. Когда две недели назад на виллу приехали английские туристы, Джо Джейкобс (ДГД на обложках книг; но Маделин о нем даже не слышала) пришел к ней за солью. День выдался особенно жарким, но Джо вырядился в зимний костюм, и когда она выразила удивление, он объяснил, что сегодня

день рождения его сестры и в ее день рождения он в знак уважения всегда надевает костюм.

Это ее озадачило, потому что она как раз думала о собственном дне рождения. Строгий темный костюм больше подходил для похорон, но сам Джо был настолько любезен, обаятелен и обходителен, что Маделин предложила ему отведать андалузский миндальный суп, который приготовила тем утром. Он пробормотал: «С большим удовольствием», — и она налила щедрую порцию супа в свою любимую керамическую пиалу и пригласила его сесть на балконе. И тут случилось ужасное. Джо отпил глоточек и почувствовал, как что-то застряло в зубах. Это был ее волос. Длинный седой волос каким-то образом попал в пиалу. Да, неприятно. Маделин бросилась извиняться, но все равно не совсем поняла, с чего его так трясет. У него и вправду дрожали руки, и он так резко отставил пиалу, что суп пролился прямо на его несуразный костюм, на пиджак со щегольской подкладкой из розового шелка. Она думала, что поэт поведет себя более деликатно. Он мог бы сказать: «Ваш суп был как жидкое облако».

— Мад-лееееен!

Митчелл даже не мог правильно произнести ее имя. Может быть, потому, что его самого звали

так по-дурацки. Перспектива жить под одной крышей с Китти Финч явно привела его в ужас, и Маделин это не удивляло. Она прищурилась, с удовольствием глядя на свои уродливые босые ступни. Как приятно, когда не надо упихивать ноги в носки и ботинки! Маделин прожила во Франции пятнадцать лет, оторванная от страны своего рождения и родного языка, и до сих пор испытывала глубочайшую благодарность за возможность ходить босиком. Она вполне обойдется без куска сочной говядины, приготовленной Митчеллом. И она еще не сошла с ума, чтобы рискнуть провести вечер в компании Китти Финч, которая делает вид, что в упор Маделин не замечает. Прямо сейчас Китти вместе с Ниной Джейкобс с таким рвением вылавливает из бассейна сосновые шишки, словно от этого зависит ее жизнь. Маделин Шеридан, которой через шесть дней исполняется восемьдесят, не опустится до того, чтобы лицедействовать в роли степенной старухи за обеденным столом на туристической вилле. За тем самым столом, который Юрген купил на блошином рынке и отполировал воском и парафином. Больше того, Юрген полировал этот стол в одних трусах, потому что стояла аномальная жара. Маделин приходилось отводить глаза, чтобы

не видеть, как он обливается потом в «исподнем», как она деликатно это называет.

В небе парил орел. Наверное, видел мышей, шнырявших в нескошенной траве в саду.

Маделин крикнула Митчеллу, что, к сожалению, сегодня не сможет прийти на ужин, но он, похоже, ее не услышал. Он наблюдал, как Джо Джейкобс заходит в дом за шляпой. По всей видимости, Китти Финч собиралась вывести английского поэта на прогулку в поля и показать ему цветы. Маделин Шеридан не могла сказать наверняка, но ей показалась, что сумасшедшая девушка в ореоле пылавших на солнце рыжих волос улыбалась ей снизу.

Используя лексику военных корреспондентов (а Маделин знала, что Изабель Джейкобс как раз и была военным корреспондентом), она могла бы сказать, что Китти Финч улыбалась ей с явно враждебными намерениями.

Урок ботаники

Повсюду стояли таблички, сообщавшие, что сад является частной собственностью, но Китти настойчиво утверждала, что она знакома с фермером и никто не спустит на них собак. Последние двадцать минут она только и делала, что указывала на деревья, которые, по ее мнению, «явно хворали».

— Вы замечаете только больные деревья? — Джо Джейкобс прищурился на солнце и, затеняя глаза руками сплошь в комариных укусах, посмотрел в ярко-серые глаза Китти.

— Да, наверное.

Ему показалось, он слышит в высокой траве звериное рычание. Он сказал Китти, что это, должно быть, собака.

— Не переживайте о собаках. У здешнего фермера две тысячи оливковых деревьев. Ему есть чем заняться кроме того, чтобы бегать за нами с собаками.

— Что ж, будем надеяться, что такое количество деревьев его отвлечет, — пробормотал Джо.

Его черные кудри, уже посеребренные сединой, липли к ушам. Потрепанная соломенная шляпа

то и дело сползала и падала. Китти приходилось забегать к нему за спину и поднимать шляпу с земли.

— Ой, две тысячи… это не много… совсем не много.

Она наклонилась, чтобы рассмотреть полевые цветы, росшие в высокой белой траве, доходившей ей до колен.

— Это *Bellis perennis*. — Она сорвала пригоршню белых соцветий, похожих на мелкие ромашки, и отправила их в рот. — Каждое растение принадлежит к какому-то семейству.

Китти Финч зарылась лицом в цветы и принялась перечислять их названия на латыни. На него произвело впечатление, как бережно она держит растения и как доверительно рассказывает о них, словно о близких знакомых. Как будто это и вправду была семья со своими проблемами и диковинными особенностями. Потом Китти сказала, что больше всего на свете ей хочется увидеть маковые поля в Пакистане.

— На самом деле, — призналась она, явно нервничая, — я написала об этом стихотворение.

Джо резко остановился. Так вот зачем она здесь!

Молодые женщины, которые преследовали его

и хотели, чтобы он прочитал их стихи — и теперь он был уверен, что она тоже одна из них, — всегда начинали с признания, что написали стихотворение о чем-то незаурядном. Они с Китти шагали бок о бок, пробивая тропинку в высокой траве. Он ждал, когда она заговорит, когда обратится к нему со своей скромной просьбой, ждал, когда она скажет, что начала писать стихи под влиянием его книг, сбивчиво объяснит, как ей удалось выследить его во Франции, а потом спросит, не окажет ли он ей любезность, если, конечно, у него есть время, сможет ли он прочитать ее крошечное стихотворение, вдохновленное им самим.

— Стало быть, вы прочли все мои книги и приехали следом за мной во Францию, — резко проговорил он.

Ее щеки снова залились румянцем. И щеки, и длинная шея.

— Да. Рита Дуайтер, владелица виллы, — приятельница моей мамы. Рита сказала мне, что вы сняли виллу на лето. В межсезонье она разрешает мне жить на вилле бесплатно. Но в этот раз мне нельзя было сюда, потому что ВЫ ее зы-за-зы-заполонили.

— Какое же сейчас межсезонье, Китти? Июль — это самый разгар сезона, разве нет?

У нее был явный акцент жительницы северной части Лондона. И кривые передние зубы. Когда Китти не заикалась и не краснела, она напоминала скульптуру из воска, отлитую в сумрачной венецианской мастерской. Для ботаника, которому, по идее, следует часто бывать на открытом воздухе, она казалась слишком бледной. Мастер, ее сотворивший, был настоящим умельцем. Она умела плавать, краснеть и плакать и знала слова вроде «заполонить».

— Может быть, сядем в тенечке?

Джо указал на большое дерево, окруженное камнями.

Толстый коричневый голубь уселся на тонкую ветку, которая тут же прогнулась под ним и грозила сломаться.

— Хорошо. Кстати, это лы-лы-лещина. Лесной орех.

Он устремился вперед прежде, чем она закончила фразу, и сел на землю, привалившись спиной к стволу. Китти замялась, словно ей не хотелось садиться с ним рядом, и он похлопал рукой по земле, расчищая ту от упавших листьев и тонких веточек. Китти все-таки села и расправила на коленях свое полинявшее платье из синего хлопка. Он не столько услышал, сколько почувствовал,

как под тонкой тканью колотится ее сердце.

— Когда я пишу стихи, я всегда представляю, что читаю их вслух для тебя.

Они уже перешли на «ты», как-то естественно и незаметно.

Вдалеке прозвенел колокольчик. Как будто где-то в саду паслась козочка, невидимая в высокой траве.

— Почему ты дрожишь?

Он чувствовал запах хлорки, исходивший от ее волос.

— Да. Я прекратила принимать таблетки, и теперь у меня дрожат руки.

Китти придвинулась чуть ближе к нему. Он сначала не понял, как к этому отнестись, но потом увидел, что она уклоняется от цепочки красных муравьев, марширующих у нее под ногами.

— Что за таблетки?

— Я решила пока обойтись без них. Знаешь… это даже приятно: снова почувствовать себя несчастной. Когда я принимаю таблетки, вообще ничего не чувствую.

Она прихлопнула муравья, заползшего ей на ногу.

— Об этом я тоже писала. Стихотворение называется «Собирая розы под сероксатом».

Джо достал из кармана лоскут зеленого шелка и высморкался.

— Что такое сероксат?

— Ты знаешь, что это такое.

— Все равно расскажи, — сказал он, шмыгнув носом.

— Сероксат — очень сильный антидепрессант. Я сидела на нем много лет.

Китти смотрела в небо, вдавленное в вершины гор. Он сам не понял, как так получилось, но он потянулся к ее холодной дрожащей руке и крепко сжал. Она правильно сделала, что возмутилась вопросом. Он сжимал руку Китти, и это было безмолвное признание: он знает, что она читала его стихи, потому что в стихах он рассказал всю правду о своей юности на таблетках. Когда ему было пятнадцать, он разрезал себе запястье. Ничего серьезного. Легкий порез. Просто эксперимент. Бритва была холодной и острой. Его запястье — теплым и мягким. Они вовсе не предназначены друг для друга, запястье и бритва, это была детская игра в снап. Он забрал себе все карты.

Врач, старый венгр с волосами в ушах, не поверил, что это всего лишь игра. Врач задавал вопросы. Врач хотел знать всю его биографию. Имена, места и даты. Как звали маму, отца и

сестру? На каком языке говорили у них в семье? Сколько ему было лет, когда он видел родителей в последний раз? Джо Джейкобс не стал отвечать. Он грохнулся в обморок прямо в кабинете, и в результате его подростковые годы прошли в плотном тумане транквилизирующих препаратов. Или, как он написал в своем самом известном стихотворении, переведенном нынче на двадцать три языка: злая фея заключила со мной договор: «ты отдашь мне свою историю, а я дам тебе что-то, что заставит тебя забыть».

Он наконец посмотрел на нее; ее лицо было белым как мел. Мокрые щеки блестели.

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Все нормально. — Ее голос был скучным и тусклым. — Я рада, что мне удалось сэкономить и не потратиться на отель, но не ожидала, что твоя жена пригласит меня остаться на вилле.

Ему на лоб сели три мошки, но он не отпустил ее руку, чтобы их смахнуть. Протянул ей лоскут зеленого шелка, который использовал вместо носового платка.

— На, вытри лицо.

— Не нужен мне твой платок. — Она швырнула лоскут ему на колени. — Я ненавижу, когда мне говорят: «Вытри лицо». Как будто я грязный пол.

Он не был уверен, но кажется, это тоже была строка из его стихотворения. Не слово в слово, но достаточно близко. Он заметил на ее левой лодыжке царапину, и она сказала, что ее поцарапала его жена, когда схватила за ногу в бассейне.

Коза подошла ближе. Когда она шевелилась, колокольчик звенел. Когда застывала на месте, звон умолкал. Джо сам не знал почему, но его это тревожило. Он снял с плеча крошечного зеленого сверчка и посадил на раскрытую ладонь Китти.

— Я тут подумал… Ты написала стихи и хочешь, чтобы я их прочел, так?

— Да. Всего одно стихотворение. — Ее голос вновь сделался тусклым и скучным. Она отпустила сверчка, и тот скрылся в траве. Она проводила его глазами. — Это как бы разговор с тобой.

Джо поднял тонкую ветку, упавшую с дерева. Толстый голубь у него над головой явно испытывал судьбу. Рядом росли ветки покрепче, но он упорно сидел на месте. Джо сказал Китти, что прочтет ее стихотворение сегодня вечером. Он ждал, что она скажет ему спасибо.

Он ждал. Ее благодарности. За его время. За его внимание. За его щедрость. За то, что он защитил ее от Митчелла. За его общество и его слова, за поэзию, из-за которой она разыскала его аж во

Франции. Он ждал, но так и не дождался.

— Кстати. — Он смотрел на ее бледные лодыжки, усеянные раздавленными муравьями. — Я никому не скажу, что ты принимала таблетки и все такое… Это будет наш секрет.

Она пожала плечами.

— На самом деле все знают. И Юрген, и доктор Шеридан, и все остальные в деревне. К тому же я прекратила принимать таблетки.

— Маделин Шеридан — врач?

— Ага. — Она поджала пальцы на ногах. — У нее есть друзья в больнице, в Грасе, так что при ней лучше делать вид, что ты счастлив и у тебя все под контролем.

Он рассмеялся — а потом, чтобы он рассмеялся еще сильнее, всем своим видом показывая, что счастлив и у него все под контролем, она сообщила, что ничто, АБСОЛЮТНО НИЧТО, не останется в секрете, если об этом знает Юрген.

— Как любой беззаботный человек, он прижмет руку к сердцу и скажет, что его рот на замке. Только рот у Юргена не закрывается никогда, потому что он не вынимает изо рта косяк.

Джо Джейкобс знал, что следует расспросить ее поподробнее. По примеру его жены-журналистки, которая знает, как задавать правильные вопросы.

Кто, когда, почему, как и где — и все остальные слова, придуманные для того, чтобы жизнь была более слаженной. Но Китти почти ничего о себе не рассказывала. По дороге в сад она сообщила, что бросила работу в парке Виктория в Хакни, где убирала опавшие листья и стригла газоны. На нее набросилась с ножом банда каких-то парней, потому что, когда она принимала таблетки, у нее заплетались ноги и она была легкой добычей.

Они снова услышали колокольчик.

— Что это? — Китти поднялась на ноги, пристально вглядываясь в высокую траву.

Джо видел, как выпирают под платьем ее острые позвонки. Он опять уронил шляпу. Китти ее подняла, отряхнула от пыли кончиками ярко-зеленых ногтей и протянула ему.

— Ой!

Китти воскликнула «Ой», потому что трава зашевелилась и среди выбеленных солнцем травинок замелькали блики розового и серебряного. Кто-то шел прямо к ним. Потом трава расступилась, и перед ними предстала Нина в купальнике с красными вишнями. На пальцах ее босых ног сверкали пять индийских колец, подаренных Юргеном. Пять серебряных колец с крошечными колокольчиками.

— Я тебя искала. — Она посмотрела на папу, который как будто держал Китти Финч за руку. — Мама поехала в Ниццу. Сказала, что надо сдать туфли в починку.

Китти глянула на часы на своем тонком запястье.

— Ремонты обуви в Ницце уже закрыты.

Из высокой травы вынырнули три большие собаки и принялись с рычанием кружить вокруг них. Суровый фермер возник словно из ниоткуда и сообщил обильно потевшему английскому поэту, что тот нарушает границы частных владений. Красивая английская девушка сорвала со своей летней шляпы тюлевый шарф и протянула его насупленному поэту.

— На, вытри лицо, — сказала она, а потом обратилась к фермеру по-французски с настойчивой просьбой отозвать собак.

Когда они вернулись на виллу, Джо прошел сквозь полосу кипарисов в маленький садик, где он поставил себе стол и стул, чтобы работать в тенечке. Уже две недели он называл это место своим кабинетом и доходчиво объяснял всем и каждому, что, когда он работает, его нельзя отвлекать, даже если он заснет за столом. Сквозь просветы в ветвях кипарисов он видел Лору,

сидевшую у бассейна в выцветшем плетеном кресле. Митчелл принес ей огромную миску с клубникой.

Сонно глядя на Лору с Митчеллом, евших клубнику, он вдруг поймал себя на том, что засыпает. Кстати, забавное выражение: поймать себя на чем-то. Сиречь неожиданно обнаружить себя… Где? Когда? Где угодно, повсюду, в любое время. И лучше бы, чтобы это «повсюду» было местом приятным и тихим, местом без боли и надвигающихся угроз. Сидеть за столом в тени старого дерева вместе с семьей. Фотографировать Венецию из гондолы, плавно плывущей по водам канала. Смотреть фильм в пустом кинотеатре, держа в руке банку с пивом. В полночь мчаться в машине по горной дороге сразу после того, как вы с Китти Финч занимались любовью.

На горной дороге. В полночь

Уже темнело, и она сказала, что тормоза на взятой в прокате машине совершенно убитые и что она ни хрена не видит, не видит даже собственных рук.

Когда она горбилась над рулем, шелковое платье сползало с плеч. Кролик выскочил на дорогу, машина вильнула. Он велел ей смотреть на дорогу, просто смотреть на дорогу, и пока он говорил, она целовала его, не прекращая рулить. Она попросила его открыть окно у пассажирского сиденья, чтобы ей было слышно, как в лесу перекликаются насекомые. Он опустил стекло и снова сказал: «Смотри на дорогу». Он высунул голову в окно, и холодный горный воздух обжег его губы. Когда-то в этом горном лесу жили древние люди. Они знали прошлое, обитавшее в камнях и деревьях. Они знали, что их желания сводят с ума, смущают, придают им загадочности и все портят.

— Да, — сказала Китти Финч, все-таки сосредоточившись на дороге. — Я знаю, о чем ты думаешь. Жизнь стоит того, чтобы жить, лишь потому, что мы надеемся, что когда-нибудь все наладится и

мы вернемся домой целыми и невредимыми. Но ты не вернулся домой невредимым. Ты вообще не вернулся домой. Поэтому я и приехала, Йозеф. Я примчалась во Францию, чтобы спасти тебя от твоих собственных мыслей.

Имитация жизни

Изабель Джейкобс сама толком не знала, зачем солгала, что везет туфли в починку. Просто еще один пункт в длинном списке вещей, которых она не совсем понимала или не понимала совсем. После прибытия Китти Финч все стало так странно. Чтобы изо дня в день хоть как-то держаться, она могла лишь подражать той Изабель, которой была раньше, но теперь ей казалось, что та Изабель, какой она была раньше, больше не стоила того, чтобы ей подражать. Мир стал загадочным и непонятным. И она сама стала такой же. Перестав понимать свои чувства, она уже не разбиралась в мотивах собственных поступков и совершенно не представляла себе, почему предложила свободную комнату молодой женщине, которую видела впервые в жизни. Она съехала с горной дороги, наскребла мелочи на оплату дорожного сбора, заблудилась в Вансе и попыталась вернуться в пробку на приморском шоссе в Ниццу. Взбешенные водители сигналили, махали руками, открывали окна и что-то сердито кричали. Маленькие холеные собачки на задних сиденьях автомобилей смотрели насмешливо и презри-

тельно, словно они тоже считали ее идиоткой, не умеющей ездить по улицам с односторонним движением.

Изабель поставила машину напротив пляжа под названием Опера-Пляж и пошла к отелю «Негреско», чей розовый купол она узнала по фотографии на карте, прикрепленной к памятке для отдыхающих, которая прилагалась к вилле. Целый абзац в этой памятке посвящался отелю «Негреско», самому старому и самому шикарному отелю на Английской набережной. Здание в стиле «бель-эпок» было построено в 1912 году по заказу венгерского эмигранта Анри Негреско, который стремился привлечь в Ниццу «самый цвет общества».

Ветер с моря дул через дорогу, отделявшую ее от переполненных пляжей. Дуновение грязного города казалось гораздо приятнее, чем пронзительно-свежий горный воздух, который, кажется, лишь обострял все печали. Здесь, в Ницце, пятом по величине городе Франции, Изабель могла раствориться в толпе туристов, словно ее не заботит ничего, кроме убийственных цен на прокатные шезлонги на пляжах Лазурного берега.

Женщина с шапкой крашенных хной волос с химической завивкой остановила ее и спроси-

ла, как пройти на улицу Франсуа Он. Стекла ее больших темных очков были испачканы чем-то похожим на разводы от высохшего молока. Она говорила по-английски с сильным акцентом. Изабель показалось, что с русским. Женщина указала рукой, унизанной тяжелыми кольцами, на лежавшего под мотоциклом механика в замасленном синем комбинезоне, словно хотела, чтобы Изабель узнала у него дорогу. В первый момент Изабель растерялась, не понимая, почему к ней обращаются с такой просьбой, но потом сообразила, что женщина — слепая и слышит, как механик возится с мотоциклом.

Изабель присела на корточки рядом с механиком и показала ему бумажку, которую женщина впихнула ей в руку. Механик ткнул пальцем на многоквартирный дом через дорогу. Женщина стояла на той самой улице, которую искала.

— Это здесь.

Изабель взяла женщину под руку и подвела через кованые ворота к богатому зданию с оконными ставнями, свежепокрашенными в зеленый. Три разбрызгивателя орошали пальмы, высаженные ровными рядами на придомовой территории.

— Но мне нужно в порт, мадам. Я ищу доктора

Ортегу.

Голос слепой русской женщины звучал возмущенно, словно ее привели сюда силой, против ее воли. Изабель изучила медные таблички на домофоне с выгравированными именами жильцов и зачитала их вслух:

— Перес, Орси, Бергель, доктор Ортега.

Вот его имя. Он живет здесь, пусть даже женщина с этим не соглашается.

Изабель нажала на кнопку рядом с именем доктора Ортеги, не обращая внимания на русскую, которая яростно рылась в сумке из крокодиловой кожи, а потом извлекла на свет потрепанный карманный словарь.

В голосе, раздавшемся из полированного латунного динамика, слышался мягкий испанский акцент. Голос спросил по-французски:

— Кто там?

— Меня зовут Изабель. К вам пришла посетительница. Она ждет внизу.

Полицейская сирена заглушила ее слова, и пришлось повторить.

— Вы сказали, вас зовут Изабель?

Этот простой вопрос почему-то ее растревожил. Словно ее уличили в том, что она кем-то притворяется.

Домофон запищал. Изабель толкнула стеклянную дверь в тяжелой деревянной раме, ведущую в отделанный мрамором вестибюль. Русская в испачканных темных очках не желала входить в дом. Она стояла на месте и упрямо твердила, что ей нужно в порт.

— Вы еще здесь, Изабель?

Почему доктор не спустится и не встретит слепую женщину?

— Вы не могли бы спуститься и встретить пациентку?

— *Señora, soy doctor en filosofía*. Это не пациентка. Это моя студентка.

Он опять рассмеялся. Хриплым и гулким смехом курильщика. Изабель услышала его голос в домофоне и подошла ближе к динамику.

— Моя студентка так рвется в порт, потому что желает вернуться в свой Санкт-Петербург. Она не желает сидеть на уроке испанского и поэтому упорно не верит, что она здесь, а не там. *Ella no quiere estar aquí*.

Он был игрив и кокетлив, этот мужчина, располагающий временем говорить загадками с безопасного расстояния через домофон.

Ей хотелось быть такой же, как он: беспечно шутить, и валять дурака, и играть с каждым

мгновением, что принесет тебе день, что бы он ни принес. Что привело ее сюда? Где она сейчас? Как обычно, убегает от Йозефа. От этой мысли глаза защипало от слез. Она разозлилась. Нет, только не это, только не Йозеф, только не снова. Она развернулась и пошла прочь, оставив русскую на мраморной лестнице; та, вцепившись в перила, продолжала настойчиво утверждать, что пришла не туда и ей надо в порт.

Уже стемнело. Изабель чувствовала запах моря. Над ее головой кричали чайки. Сладкий, с дрожжевым привкусом запах из *boulangerie* через дорогу струился над припаркованными машинами. Семьи возвращались с пляжа, несли надувные мячи, раскладные шезлонги, разноцветные полотенца. Пекарня внезапно наполнилась мальчиками-подростками, которые зашли за пиццей. На другой стороне улицы давешний механик все-таки оживил свой мотоцикл. Мотор победно взревел. Изабель была еще не готова вернуться домой и опять притворяться той женщиной, которой она была раньше. Она решила пройтись по Английской набережной и после часа прогулки — или ей только казалось, что часа, — зашла в один из ресторанов на пляже рядом с аэропортом.

Взлетающие самолеты низко скользили над черной водой. На галечных склонах, спускающихся к морю, студенты распивали пиво. Смешливые, яркие, самодовольные, они громко переговаривались и заигрывали друг с другом, вовсю наслаждаясь летней ночью на городском пляже. Их жизнь выходила на новый этап. Новые работы. Новые идеи. Новые дружбы. Новые любови. Она сама пребывала на середине жизненного пути: ей почти пятьдесят, она видела много крови, конфликтов и горя по работе, прижавшей ее вплотную к миру, наполненному страданием. Ее не отправили освещать геноцид в Руанде, но двое ее коллег были там и вернулись потрясенными и совершенно раздавленными. Они рассказывали, их разум отказывался поверить в масштаб человеческих жертв: их собственные глаза стекленели, глядя в остекленевшие глаза сирот. Изголодавшиеся собаки научились питаться человеческой плотью. Коллеги не раз наблюдали собак с кусками человеческих тел в зубах. Но и без ужасов Руанды, которых ей не пришлось видеть собственными глазами, она слишком тесно соприкасалась с несчастьем и болью мира, и ей уже не удастся начать сначала. Она могла бы начать сначала, если бы ей удалось забыть все, что,

по идее, должно было бы закалить ее дух, сделать сильной и мудрой. Неискушенная, наивная, полная надежд, она бы опять вышла замуж, и опять родила бы ребенка, и беззаботно пила бы пиво со своим юным, невероятно красивым мужем ночью на городском пляже. Вновь зачарованные новички в самом начале прекрасной жизни, они целовались бы под яркими звездами. Ради такого и стоило жить.

Большая семья из женщин и их детей заняла целых три столика, сдвинутых вместе. У всех членов семейства были одинаково высокие скулы и одинаково темные жесткие волосы, похожие на проволоку. Они ели какое-то замысловатое мороженое, разложенное разноцветными завитками в стеклянные бокалы объемом в пинту. Официант зажег бенгальские огни, торчавшие из шапок взбитых сливок, — и все заохали, и заахали, и захлопали в ладоши. Изабель замерзла в своем летнем платье, слишком открытом для столь позднего ночного часа. Мамаши, кормившие детей мороженым с длинных серебряных ложек, с любопытством поглядывали на задумчивую одинокую женщину с голыми плечами. Как и официантов, их, кажется, оскорбляло ее одиночество. Ей пришлось дважды сказать офи-

цианту, что она никого не ждет. Когда он грохнул заказанный эспрессо на пустой столик для двоих, почти весь кофе пролился в блюдце.

Она наблюдала, как волны бьются о гальку. Море вбирало в себя пластиковые пакеты, скопившиеся на пляже за день. Пытаясь растянуть то, что осталось от кофе, на время, достаточное, чтобы оправданно занимать место за столиком на двоих, она гнала от себя мысли, которые возвращались, как волны на берег.

В их лондонском доме она существовала как призрак. Когда она возвращалась домой из очередной зоны военных действий и обнаруживала, что крем для обуви или запасные лампочки переложены в другое место, вроде бы почти туда же, где раньше, но все-таки *не туда*, она понимала, что в собственном доме у нее тоже нет постоянного места. Чтобы делать работу, выбранную для себя в этом мире, она рисковала лишиться места жены и матери, непостижимого места, населенного призраками всего, что было бы взвалено на нее, если бы она осталась. Она пыталась быть кем-то, кого совершенно не понимала. Женщиной сильной, но хрупкой. Даже если она понимала, что быть волевой и решительной не значит быть сильной, а быть нежной не значит

быть хрупкой, она не знала, как приложить это к собственной жизни, и к чему это все приведет, и чем это может утешить, когда субботним вечером ты сидишь у моря в одиночестве за столиком на двоих. Когда она возвращалась в Лондон из Африки, Ирландии или Кувейта, Лора иногда приглашала ее пожить в кладовой над их с Митчеллом магазином в Юстоне. В каком-то смысле это был период выздоровления. Изабель целыми днями лежала в кровати, и когда в магазине не было посетителей, Лора приносила ей чай. У них не было ничего общего, кроме того, что они знали друг друга целую вечность. Время, проведенное вместе, хоть что-то, да значило. Им не надо было ничего объяснять друг другу, или проявлять вежливость, или заполнять паузы в разговорах.

Она пригласила Лору с Митчеллом пожить с ними на вилле во Франции и удивилась, как быстро они согласились. Практически сразу. Обычно, чтобы закрыть магазин и привести в порядок дела, им требовалось больше времени.

Бенгальские огни на бокалах с мороженым уже догорели. Одна мамаша вдруг заорала на своего пятилетнего сына, уронившего мороженое на пол. Это был вопль лютой ярости. Изабель видела, что женщина страшно устала. И эта уста-

лость прорвалась гневом. Женщина ползала на коленях, стирая мороженое с пола бумажными салфетками, которые ей беспрестанно передавала многочисленная родня. Изабель чувствовала безмолвное неодобрение, исходившее от этих женщин, когда они с осуждением поглядывали на нее, сидевшую в одиночестве, но была им благодарна. Она обязательно приведет Нину в этот ресторан и купит дочке мороженое с бенгальскими огнями. Эти женщины устроили своим детям маленький праздник, и он послужит ей образцом для подражания.

Стены, которые смыкаются и размыкаются

Нина наблюдала, как Китти Финч прижимает ладони к стенам гостевой комнаты, словно пробуя их на прочность. Крошечная комнатушка выходила на задний двор виллы, желтые шторы на единственном окне были плотно задернуты. Из-за этого в комнате было темно и душно, но Китти сказала, что ей так нравится. Они слышали, как наверху в кухне Митчелл фальшиво поет что-то из «АББЫ». Китти сказала Нине, что она проверяет стены не просто так. У виллы шаткий фундамент. Три года назад бригада халтурщиков из Ментоны делала здесь капитальный ремонт. Трещины расползлись повсюду, и горе-работники наскоро залепили их совершенно неправильной штукатуркой.

Нина не уставала поражаться, как много всего знает Китти. А что такое тогда правильная штукатурка? Китти Финч приходилось работать в строительной отрасли? Как ей удавалось собирать волосы так, чтобы они не выбивались из-под защитной каски?

Китти как будто прочла ее мысли, потому что сказала:

— В правильной штукатурке обязательно должен быть известняк.

Встав на колени, она принялась рассматривать растения, которые собрала на церковном кладбище сегодня утром.

Ее зеленые ногти бережно поглаживали треугольные листья и белые соцветия, которые, как Китти объявила, сморщив нос, пахли мышами. Она собирала семена растений, чтобы их изучить, и Нина, если захочет, может ей помогать.

— Что это за растение?

— Это *Conium maculatum*. Из того же семейства, что фенхель, укроп, пастернак и морковь. Я удивилась, когда увидела, что он растет на церковном дворе. У него листья, как у петрушки, да?

Нина не знала, какие листья у петрушки.

— Болиголов пятнистый. Твой папа наверняка знает, что это такое. Раньше детишки делали из болиголова свистульки, и многие отравились, потому что он ядовитый. Но древние греки считали, что он лечит опухоли.

Китти не сиделось на месте. Развесив в шкафу все свои летние платья и расставив на полке несколько изрядно потрепанных, вусмерть зачи-

танных книг, она побежала наверх, чтобы еще раз посмотреть на бассейн, хотя на улице было уже темно.

Вернувшись, она объяснила, что в бассейне теперь есть подсветка.

— В прошлом году ее не было.

Она достала из синей холщовой сумки плотный конверт формата А4 и принялась задумчиво вертеть его в руках.

— Это стихотворение, — сказала она, помахав Нине конвертом, — которое твой папа обещал прочитать сегодня вечером. — Она слегка прикусила верхнюю губу. — Он сказал, чтобы я положила его на столик у дверей его спальни. Сходишь со мной?

Нина проводила Китти Финч к спальне родителей. Их комната была самой большой во всем доме — с примыкавшей к ней роскошной ванной с золочеными кранами, напорным душем и кнопкой, которая превращала обычную ванну в джакузи. Нина показала на маленький столик у стены рядом с дверью родительской спальни. На столике стояла ваза. Вокруг нее были в беспорядке разбросаны сухие цветы, очки для плавания, старые фломастеры, ключи и открытки.

— Ой, это ключи от насосной камеры! — ра-

достно воскликнула Китти. — Там стоит все машинное оборудование для бассейна. Я оставлю конверт под вазой.

Она сморщила лоб, задумчиво глядя на конверт в руках, сделала глубокий вдох и тряхнула кудрями, как будто у нее в волосах что-то запуталось.

— Нет. Наверное, лучше просунуть конверт под дверь. Так он быстрее его увидит и быстрее прочтет.

Нина хотела сказать, что это не только папина спальня, но и мамина. Однако растерялась и не сказала ни слова, потому что Китти Финч говорила странные вещи.

— Иногда надо рискнуть, не задумываясь о последствиях. Как будто ты переходишь дорогу с закрытыми глазами… и не знаешь, что произойдет в следующую секунду. — Она запрокинула голову и рассмеялась. — Напомни завтра свозить тебя в Ниццу. Я угощу тебя лучшим на свете мороженым. Ты такого еще не пробовала.

Когда рядом Китти, ты как будто стоишь возле пробки, вылетевшей из бутылки. Сначала слышится громкий хлопок, когда газы рвутся наружу, — а потом вдруг пьянящие брызги летят во все стороны, и все вокруг пенится и искрится.

Митчелл позвал их ужинать.

О хороших манерах

— Жена поехала в Ниццу сдать туфли в починку, — театрально объявил Джо Джейкобс всем собравшимся за столом.

Его тон предполагал, что он просто ставит их перед фактом и не ждет никакого ответа от аудитории. Все это поняли и прониклись. Заявление осталось без комментариев.

Митчелл, неизменный самопровозглашенный шеф-повар, полдня провозился на кухне, как-то по-хитрому запекая огромный кусок говядины, который был куплен на рынке сегодня утром, и Джо настоял на том, чтобы за него заплатить. Сейчас Митчелл торжественно резал мясо, сочившееся розовой кровью.

— Мне не нужно, спасибо, — вежливо проговорила Китти.

— Ну только кусочек.

Ломтик кровоточащего мяса сорвался с его вилки и плюхнулся ей на тарелку.

— «Только кусочек» — любимая фраза Митчелла. — Джо заправил салфетку за воротник рубашки.

Лора налила всем вина. Она надела на ужин

африканское ожерелье из витых золотых нитей, украшенных семью жемчужинами.

— Ты похожа на невесту, — с восхищением заметила Китти.

— Как ни странно, — ответила Лора, — это и есть свадебное ожерелье. Кенийское свадебное ожерелье. Из нашего магазина.

Глаза Китти слезились от хрена, который она ела ложками, как варенье.

— И что вы с Митчеллом продаете в вашей комиссионке?

— В антикварно-этническом магазине, — поправила ее Лора. — Мы продаем старинное персидское, турецкое и индийское оружие. И дорогие африканские украшения.

— В общем, по мелочи приторговываем оружием, — вставил свое слово Митчелл. — А в свободное время продаем эксклюзивную мебель из кожи страусов.

Джо скатал ломтик мяса в рулончик и окунул в миску с хреном.

— Мебель делается из страусов, а хрен — из коняшек, как он есть конский редис, — произнес он нараспев.

Нина швырнула нож на тарелку:

— Бля, заткнись.

Митчелл поморщился:

— Девочки твоего возраста не должны так ругаться.

Джо кивнул, словно был полностью с этим согласен. Нина сердито уставилась на отца, который сосредоточенно полировал свою ложку краешком скатерти. Она знала, что папа и сам не считает зазорным ввернуть в разговоре крепкое словцо. Однажды, когда она в сотый раз возмутилась, что ее вконец достало ходить в школу в этих кошмарных туфлях, которые совершенно не сочетаются по цвету с колготками, папа — поэт, мастер слова — дал ей совет: «В следующий раз говори „совершенно *мудацкие сраные* туфли“. Это придаст твоей фразе дополнительную экспрессию».

— Плохие слова отражают плохие мысли. — Митчелл постучал себя кулаком по лысому черепу и облизал большой палец, испачканный хреном. — Когда я был в твоем возрасте, я никогда не ругался в присутствии папы.

Джо выразительно посмотрел на дочь.

— Да, дитя мое. Не ругайся плохими словами и не оскорбляй нежный слух мудачья за этим столом. Особенно слух дяди Митчелла. Он опасен. У него есть оружие. Сабли, кинжалы и антиквар-

ные револьверы.

— На самом деле, — Митчелл поднял вверх указательный палец, — сейчас мне нужна мышеловка. Тут на кухне полно грызунов.

При слове «грызунов» он покосился на Китти Финч.

Китти уронила свой ломтик мяса на пол и наклонилась поближе к Нине:

— Хрен делается из корня одноименного растения семейства капустных. Это родственник горчицы. И твой папа ест так много хрена, потому что он хорошо помогает от ревматизма.

Кустистые брови Джо поползли вверх:

— Какой ревматизм?! У меня нет ревматизма!

— Наверняка есть, — отозвалась Китти. — У тебя скованная походка.

— Это, наверное, потому, что по возрасту он годится тебе в отцы, — ехидно улыбнулась Лора.

Она до сих пор пребывала в недоумении, почему Изабель так настойчиво пригласила остаться на вилле эту молоденькую красотку, которая плавает в бассейне голышом и явно добивается внимания ее супруга, человека уже далеко не молодого. Как это виделось Лоре, в этом странном браке подруге изначально была уготована незавидная роль обманутой жены. Уязвленной

изменами мужа. Нагруженной его прошлым. Молчаливо сносящей обман и предательство.

— Лора гордится своей способностью видеть людей насквозь и говорить правду в глаза, — объявил Джо в пространство.

Он ущипнул себя двумя пальцами за кончик носа — секретный код между ним и дочерью, обозначавший… Джо и сам толком не знал, что именно. Может быть, взаимную любовь, которая только крепчает, несмотря на его недостатки и дурость и на обоюдное раздражение друг другом.

Китти нервно улыбнулась Лоре:

— Большое спасибо вам всем за то, что разрешили мне здесь пожить.

Нина внимательно наблюдала, как Китти отщипывает кусочек от ломтика огурца, потом бросает на тарелку и отодвигает на самый краешек.

— Надо благодарить Изабель, — поправила ее Лора. — У нее очень доброе сердце.

— Я не сказал бы, что Изабель очень добрая, да, Нина?

Джо свернул в рулетик еще один ломоть кровоточащего мяса и отправил его в рот.

Это был намек Нине, что тут надо бы выступить с критикой матери, чтобы угодить папе. Сказать

что-то вроде: «Моя мама меня совершенно не знает». На самом деле ей хотелось сказать: «Моя мама не знает, что мне известно, что мой папа переспит с Китти Финч. Она даже не знает, что мне известно, что такое анорексия».

Вместо этого она сказала:

— Китти считает, что стены смыкаются и размыкаются.

Митчелл покрутил пальцем у виска, мол, *сумасшедшая, что возьмешь*. Джо перегнулся через стол и с силой хлопнул Митчелла по руке:

— Нельзя быть настолько нормальным, Митчелл. Это уже неприлично. Даже ты когда-то был ребенком. Даже ты думал, что под твоей кроватью прячутся чудища. И теперь, когда ты у нас вырос и стал таким безупречно нормальным взрослым, ты потихоньку заглядываешь под кровать и говоришь себе: «Ладно, наверное, чудища просто невидимые».

Митчелл закатил глаза и уставился в потолок, словно взывая о помощи и наставлении к вышним силам.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты заносчивый высокомерный индюк?

Зазвонил телефон. После первого звонка включился факс. Лист бумаги натужно выехал из

аппарата на пластиковый поднос рядом с памяткой для отдыхающих. Нина поднялась из-за стола и подошла к столику с факсом, чтобы забрать сообщение. Быстро взглянув на лист, она отнесла его папе.

— Это тебе. Насчет чтений в Польше.

— Спасибо.

Он поцеловал ей руку испачканными в вине губами и попросил прочитать, что там написано, вслух.

ОБЕД ПО ПРИБЫТИИ
Два варианта меню

Белый борщ с колбасой и вареным яйцом.

Традиционное охотничье рагу с картофельным пюре.

Прохладительные напитки.

или

Традиционный польский огуречный суп.

Голубцы (капустные листья, фаршированные мясом и картофельным пюре).

Прохладительные напитки.

ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩИТЕ ПО ФАКСУ О ВАШЕМ ВЫБОРЕ.

Лора тихонечко кашлянула.

— Ты же родился в Польше, да, Джо?

Нина внимательно наблюдала за папой, который рассеянно тряхнул головой.

— Я не помню.

Митчелл изумленно поднял брови, неумело изображая неверие.

— Надо быть очень забывчивым, чтобы не помнить, где ты родился. Вы еврей, верно, сэр?

Джо испуганно заморгал. Нина подумала, что, наверное, потому что его обозвали сэром. Китти тоже нахмурилась. Она резко выпрямилась на стуле и обратилась к собравшимся, словно была официальным биографом Джо:

— Конечно, он родился в Польше. Это написано на обложках всех его книг. Йозеф Новогроджский родился в Западной Польше в тысяча девятьсот тридцать седьмом году и переехал в Уайтчепел в Восточном Лондоне, когда ему было пять лет.

— Все верно. — Митчелл озадаченно сморщил лоб. — Тогда как получилось, что ты стал Джо Джейкобсом?

Китти опять взяла слово. Она даже звякнула вилкой о свой бокал, чтобы создать выжидательную тишину.

— Учителя в интернате поменяли ему имя на

более произносимое.

Ложка, которую Джо старательно полировал на протяжении всего ужина, теперь сияла, начищенная до блеска. Когда он поднес ложку к лицу, чтобы оценить результат своих усилий, Нина увидела искаженное отражение Китти, плескавшееся в выпуклой серебристой поверхности.

— В интернате? А где были твои родители?

Митчелл заметил, что Лора ерзает на стуле. То, что он должен был знать о Джо, напрочь вылетело из головы. Лора, конечно, ему говорила, но все прошло мимо. Он с облегчением вздохнул, когда понял, что в этот раз Китти Финч не вызовется отвечать вместо Джо, и уже пожалел, что затеял этот разговор.

— Ну, ты же более-менее англичанин, да, Джо?

Джо кивнул:

— Да, я англичанин. Почти такой же английский, как ты.

— Ну, я бы не стал утверждать так уж категорично, — заявил Митчелл тоном компанейского таможенного чиновника. — Но, как я всегда говорю Лоре, самое главное, как мы себя ощущаем внутри.

— Ты полностью прав, — согласился Джо.

Митчелл подумал, что выбрал правильную

тактику в разговоре, потому что Джо в кои-то веки был с ним любезен.

— И как ты себя ощущаешь внутри, Джо?

Джо разглядывал ложку у себя в руке, словно это была драгоценность или маленькая победа над тусклыми столовыми приборами.

— ОКЗ, — произнес он по буквам.

— И что это значит, сэр?

— Охренеть как забавно.

Митчелл, уже опьяневший, хлопнул его по спине, закрепляя их вновь обретенную солидарность.

— Ты такой не один, Йозеф, как там тебя дальше. У меня ОКЗ прямо здесь. — Он постучал себя по голове. — В тройном экземпляре.

Лора расплела под столом длинные ноги и объявила, что приготовила на десерт трайфл. Этот рецепт она вычитала в «Полном курсе кулинарии» Делии Смит и надеялась, что заварной крем застыл, а взбитые сливки не свернулись.

Воскресенье

Кто украл болиголов

Ранние птичьи трели. Мягкий плеск сосновых шишек, падающих в тихую воду бассейна. Резкий аромат розмарина, растущего в деревянных ящиках на оконном карнизе. Китти Финч проснулась от ощущения, что кто-то дышит ей в лицо. Сначала она подумала, что ночью окно распахнулось от ветра, а потом увидела *его*, и ей пришлось запихнуть волосы себе в рот, чтобы не закричать в голос. Рядом с кроватью стоял черноволосый мальчик и махал ей рукой. На вид ему было лет пятнадцать. В свободной руке он держал желтый блокнот. Мальчик был в школьном блейзере. Из кармана торчал смятый галстук. Чуть погодя он исчез, растворившись в стене, но она еще долго чувствовала ветерок от его невидимой машущей руки.

Он побывал у нее в голове. Он прошел сквозь ее сознание. Он транслировал ей свои мысли, эмоции и устремления. Китти впилась ногтями себе в щеку и, только когда убедилась, что проснулась окончательно, встала с кровати и побежала в бассейн. Когда она подплыла к полуспущенному надувному матрасу и оттащила его на мелкую

сторону, в запястье ее укусила оса. Китти не знала, кем был ее призрачный гость: привидением, сном или галлюцинацией. Но кем бы он ни был, он пребывал у нее в голове уже очень давно. Она ушла с головой под воду и принялась считать до десяти.

Кроме нее, в бассейне был кто-то еще.

Китти смогла разглядеть только непропорционально большие, преломленные линзой воды кончики пальцев Изабель Джейкобс, собиравшие насекомых, которые всегда умирали на глубокой стороне. Когда Китти вынырнула, сильные руки Изабель уже рассекали холодную зеленоватую воду. Насекомые копошились маленькой кучкой на каменном бортике. Жена-журналистка, такая спокойная, молчаливая и неприступная, сбегает в Ниццу до ночи, и никто это не обсуждает. И в последнюю очередь — ее собственный муж, который, как Китти надеялась, уже прочитал ее стихотворение. Он обещал прочитать его после вчерашнего бесконечного ужина. Собирался уйти к себе, лечь в постель и прочесть ее слова.

— Китти, ты вся дрожишь.

Изабель подплыла к ней, и две женщины встали плечом к плечу, глядя на горы, курившиеся ранним утренним туманом. Китти сказала Иза-

бель, что у нее болит ухо и кружится голова. Только так можно было заговорить о том, что она видела сегодня утром.

— У тебя, наверное, ушная инфекция. Неудивительно, что ты еле стоишь на ногах.

Изабель старалась держаться так, словно у нее все под контролем. Года три назад Китти видела ее по телевизору. Изабель Джейкобс стояла в кувейтской пустыне, а рядом валялся скелет верблюда. Она опиралась на остов сгоревшего танка, указывая рукой на пару обугленных солдатских сапог на песке. Элегантная и ухоженная, Изабель Джейкобс была жестче и злее, чем представлялась с виду. Вчера, когда Изабель нырнула в бассейн и схватила Китти за лодыжку, она вцепилась ей в ногу так сильно, что у Китти остался синяк. До сих пор болит. Изабель нарочно старалась сделать ей больно, но Китти не могла возмутиться, потому что потом ей неожиданно предложили комнату на вилле. И никто не решился выступить против, потому что военная корреспондентка была среди них главной. Как будто за ней всегда оставалось последнее слово и она даже специально провоцировала окружающих, чтобы ей возразили. Но, если по правде, последнее слово всегда оставалось за ее мужем,

потому что он работал со словом и ставил точки в конце предложений. Китти знала это, но знала ли его жена?

Китти выбралась из воды, прошла по бортику на мелкую сторону и принялась обрывать листья с лаврового деревца, росшего в кадке. Изабель тоже вышла из бассейна и присела на краешек белого шезлонга. Жена-журналистка рассеянно закурила, как будто задумавшись о чем-то более важном, чем происходящее здесь и сейчас. Она, наверное, видела потрепанный конверт формата А4, который Китти оставила на полу, прислонив к двери спальни.

ЗАПЛЫВ ДОМОЙ

КИТТИ ФИНЧ

Она не сказала Изабель, что ее бросает в жар и перед глазами все плывет. Она не сказала, что у нее чешется кожа и, кажется, распух язык. Она умолчала о призрачном мальчике, который сегодня утром, когда она проснулась, вышел из стены, чтобы с ней поздороваться. Он украл несколько ее растений, потому что, когда он уходил обратно в стену, они были у него в руках. Она подумала, может быть, он искал способы умереть. Слова,

которые он говорил, она слышала не ушами. Она слышала их у себя в голове. Он махал ей рукой, словно хотел поприветствовать, но теперь ей подумалось, что он, возможно, прощался.

— Так ты, значит, поклонница поэзии Йозефа? Поэтому ты сюда и приехала?

Китти жевала серебристый лавровый лист, пока не уверилась, что сможет не выдать тревогу в голосе.

— Наверное, поклонница, да. Но мне это видится по-другому. — Она сделала паузу и дождалась, пока голос окрепнет. — Поэзия Джо представляется мне разговором лично со мной. Он пишет о том, о чем я много думаю. У меня с ним контакт на уровне нервов.

Обернувшись, Китти успела заметить, как Изабель тушит окурок босой ногой. У нее перехватило дыхание.

— Тебе не больно?

Даже если Изабель обожглась, она словно этого и не заметила.

— Что значит «контакт на уровне нервов» с Йозефом?

— Ничего не значит. Мне только сейчас пришло в голову.

Китти заметила, что Изабель Джейкобс всегда

называет мужа его настоящим именем. Словно та часть его, что была самой таинственной и секретной, та часть, где рождались стихи, принадлежала лишь ей одной. Как объяснить, что они с Джо передавали друг другу послания сквозь эфир, если она сама толком не понимала, что происходит? Надо будет потом обсудить это с Юргеном. Он ей расскажет, что она наделена сверхчувствительностью, потому что поэт, а потом произнесет несколько слов по-немецки, и это будут слова любви. Отвязаться от Юргена по ночам всегда было непросто, и она была благодарна за отдельную комнату, куда можно сбежать. Да, в каком-то смысле она была благодарна Изабель за убежище от любви Юргена.

— О чем твое стихотворение?

Китти внимательно изучала лавровый лист, водя кончиком пальца по его серебристым прожилкам.

— Я не помню.

Изабель рассмеялась. Это было обидно. Китти обиделась. Уже не испытывая никакой благодарности, она сердито смотрела на женщину, которая предложила ей гостевую комнату, но не удосужилась дать подушку и постельное белье и не заметила, что окно в комнате открывается,

а пол покрыт толстым слоем засохшего мышиного помета. Журналистка задавала вопросы, словно собирала сведения для досье. Фигуристая и высокая, с длинными черными волосами, как у индианки, Изабель носила на левой руке золотое обручальное кольцо, демонстрируя свой статус замужней женщины. У нее были длинные холеные пальцы — пальцы человека, ни разу в жизни не вымывшего кастрюлю и не рывшегося в земле. Ей даже не пришло в голову предложить гостье вешалки для одежды. Нине пришлось опустошить свой шкаф. Тем не менее Изабель Джейкобс задавала вопросы, потому что ей было необходимо держать все под контролем.

— Ты говорила, что знаешь владелицу виллы?

— Да. Рита Дуайтер, психотерапевт. Подруга моей матери. У нее недвижимость по всему миру. В одном только Лондоне — двенадцать квартир и домов стоимостью около двух миллионов каждый. Наверное, она первым делом интересуется у пациентов, есть ли у них закладная на дом.

Изабель рассмеялась, и на этот раз Китти рассмеялась с ней вместе.

— Кстати, спасибо, что ты разрешила мне здесь остаться.

Изабель небрежно кивнула и сказала, что надо

пойти приготовить завтрак. Может быть, тосты с медом. Китти смотрела, как она ворвалась в дом сквозь стеклянные двери и чуть не сбила со стула Лору, сидевшую за кухонным столом с наушниками в ушах. Лора учила какой-то африканский язык, и сейчас ее губы артикулировали слова вместе с диктором аудиокурса.

Голая и дрожащая, Китти сидела на бортике бассейна, слушая, как высокая блондинка с испуганными голубыми глазами нараспев повторяет фразы с другого континента. В деревне звонили церковные колокола, кто-то шумно вздыхал. Когда Китти подняла глаза, ей пришлось собрать волю в кулак, чтобы не выпасть из реальности во второй раз за утро. Маделин Шеридан, как обычно, сидела на балконе и глядела на нее сверху вниз, словно высматривая в океане акулу. Это было уже чересчур. Китти вскочила на ноги и потрясла кулаком, грозя мрачной фигуре, попивавшей утренний чай.

— Что ты вечно таращишься? Кстати, я все еще жду, когда ты принесешь мои туфли, доктор Шеридан. Ты их уже забрала?

Инопланетяне, тоскующие по дому

Юрген затащил трехфутового надувного инопланетянина со сморщенной шеей в кухню кафе Клода. В субботу он купил это чудо на блошином рынке, а сейчас они с Клодом вели три разговора одновременно. Клод, просто вылитый Мик Джаггер, которому только-только исполнилось двадцать три, владел единственным на всю деревню кафе и на будущий год собирался продать его парижским застройщикам. Клод спросил, почему английские туристы предложили комнату Китти Финч.

Юрген почесал в затылке и тряхнул дредами, пытаясь вникнуть в вопрос. Мысленное усилие его утомило, и он затруднился с ответом. Клод, чьи шелковистые волосы до плеч были пострижены в дорогой парикмахерской так, чтобы придать им небрежный вид — мол, человек не запаривается с прической, — считал, что свалявшиеся дреды Юргена наверняка вызывают у Китти стойкое отвращение, потому что ей было известно, что она может остановиться у Юргена, когда захочет. В то же время они потешались над Митчеллом, который сидел на террасе и в

ожидании, когда откроется бакалейная лавка, набивал пузо багетами с джемом. У этого толстяка, коллекционирующего старинные ружья и пистолеты, уже набежал изрядный кредит и в кафе, и в бакалейной лавке, которой владела мать Клода. Митчелл грозил разорить все их семейство. Одновременно с этим Клод чистил картошку, а Юрген пересказывал ему сюжет фильма «Инопланетянин». Он отобрал у Клода недокуренную сигарету, вырвал прямо изо рта и докурил, пытаясь припомнить фильм, который видел в Монако три года назад.

— Маленький инопланетянин потерялся на Земле, в трех миллионах световых лет от родной планеты. Он подружился с десятилетним мальчиком, и между ними возникла особая связь.

Клод ухмыльнулся и подмигнул надувному инопланетянину.

— Какая особая связь?

Юрген покачал дредами над свежеиспеченным грушевым пирогом, остывавшим под открытым окном, словно мысленно призывая сюжет давно позабытого фильма.

— Ну, такая… если инопланетянин болел, мальчик-землянин тоже болел, если инопланетянин был голоден, мальчику тоже хотелось есть, если

инопланетянину было плохо и грустно, мальчик страдал вместе с ним. Они были связаны мыслями. Между ними установился ментальный контакт.

Клод поморщился, потому что Митчелл окликнул его и попросил принести еще порцию хлеба и кусок грушевого пирога, только что вписанного в меню. Клод сказал Юргену, что не может понять, почему у Митчелла вечно нет денег, хотя он живет на роскошной вилле. Его кредит уже вышел за все пределы.

— А чем закончился фильм?

Юрген, обычно укуренный до полной потери памяти, вдруг заметил Джо Джейкобса на склоне горы, на лугу, среди пасущихся овец. По какой-то неведомой причине он помнил каждую реплику маленького инопланетянина из фильма. Может быть, потому, что он и сам был пришельцем: германское дитя природы, обосновавшееся во Франции. Он сказал Клоду, что инопланетянин разорвал связь с мальчиком, потому что не хотел, чтобы его друг страдал. А потом нашел способ вернуться домой, на родную планету.

Юрген подтолкнул Клода локтем и показал пальцем на английского поэта вдалеке. Тот как будто приветствовал кого-то невидимого: скло-

нился в легком поклоне, приложив пальцы ко лбу. Клоду, в общем-то, нравился Джо, ведь тот всегда оставлял щедрые чаевые и каким-то образом умудрился произвести на свет совершенно прекрасную длинноногую дочку-подростка, которую Клод лично пригласил в кафе на аперитив. Она до сих пор не приняла его приглашение, но он жил надеждой, потому что, как он говорил Юргену, чем еще жить?

— Он суеверный и увидел сороку. Он знаменитый поэт. Ты хочешь стать знаменитым?

Юрген кивнул. Потом покачал головой и отпил из бутылки, стоявшей на кухонной стойке рядом с бутылкой с растительным маслом, глоток темно-зеленой тягучей жидкости.

— Да. Иногда я подумываю, что было бы здорово стать крутым и известным и все бы лизали мне задницу. Но есть одна маленькая проблема. Мне просто некогда стремиться к славе. У меня много других забот.

Клод кивком указал на поэта, который, похоже, все еще приветствовал сорок:

— Может, он тоже скучает по дому и хочет вернуться на родную планету.

Юрген прополоскал горло мятным сиропом. У него было пристрастие к мятному сиропу, как у

некоторых людей есть пристрастие к абсенту, с которым сироп совпадает по цвету.

— Нет. Он просто скрывается от Китти-Коти. Он не прочел Котино стихотворение и теперь ее избегает. Котя, она как инопланетянин. Считает, что у них с поэтом ментальная связь. Он не прочел ее стихотворение, теперь Котя расстроится, у нее резко подскачет кровяное давление, и она их всех поубивает из ружей жирдяя.

Понедельник

Зверолов

Митчелл проснулся в холодном поту. Было три часа ночи, и ему только что приснился кошмар о громадной сороконожке. Он разрубил ее пополам кухонным ножом, но из двух половинок выросли новые сороконожки. Чем яростнее он их рубил, тем больше их становилось. Они корчились и извивались у него под ногами. Он утонул в них по пояс, потом — по шею. Лезвие ножа покрылось слоем слизи. Сороконожки ввинчивались ему в ноздри и пытались пробраться в рот. Проснувшись, он первым делом подумал, что надо бы разбудить Лору. Сердце так бешено колотилось, что он всерьез испугался, не хватил ли его инфаркт. Лора спокойно спала на боку, ее ноги свисали с кровати. В мире не существует кровати, рассчитанной на Лорин рост. Кровать, на которой они спали дома, была сделана на заказ в датской судостроительной фирме, с учетом роста Лоры и объемов Митчелла. Она занимала всю спальню и напоминала древний галеон, выброшенный на берег пруда в общественном парке. Что-то ползло к нему по беленой стене. Он закричал.

— Что с тобой, Митч? — Лора приподнялась на

локте и положила ладонь на ходившую ходуном грудь супруга.

Он показал пальцем на тварь на стене.

— Это мотылек, Митчелл.

И действительно, мотылек расправил серые крылышки и вылетел в окно.

— Мне приснился кошмар, — простонал Митчелл. — Ужасный кошмар.

Она стиснула его горячую влажную руку.

— Давай спать. Утром тебе будет лучше. — Она натянула простыню на плечи и снова легла.

Заснуть он не смог. Митчелл встал и спустился в кухню, где чувствовал себя более-менее в безопасности. Открыл холодильник, взял бутылку воды. Жадно отпил прямо из горлышка. Ледяная вода обожгла горло. Он чувствовал себя совершенно разбитым, как сороконожка, изрубленная в капусту. Поднял голову, гудевшую болью, и увидел, что на полу что-то лежит. Мышеловка, которую он поставил на крысу. В мышеловку кто-то попал. Митчелл судорожно сглотнул и подошел ближе.

Маленький зверек лежал на боку спиной к нему, но это была не крыса. Теперь Митчелл его разглядел и узнал. Это был Нинин коричневый плюшевый кролик с длинными мягкими ушами,

придавленными проволочным рычагом. Круглый потрепанный хвостик белел в темноте, под ним виднелся застиранный ярлычок, вшитый в лапу. Зеленая атласная лента у него на шее тоже запуталась в проволочной конструкции. Мгновенно вспотев, Митчелл нагнулся, чтобы освободить кролика из мышеловки, и краем глаза заметил на полу чью-то тень. В кухне был кто-то еще. Кто-то забрался на виллу, а у него нет с собой ни ружья, ни пистолета. Даже его антикварное персидское ружье пришлось бы сейчас весьма кстати, чтобы напугать злоумышленника.

— Привет, Митчелл.

Голая Китти Финч стояла, прислонившись спиной к стене, и наблюдала, как Митчелл пытается вытащить кролика из мышеловки, не прищемив себе пальцы. Скрестив руки на груди, она грызла кусок шоколада, который Митчелл оставил для крысы.

— Ты у нас знатный зверолов, но я уже предупредила всех сов.

Он прижал руку к груди над колотящимся сердцем и уставился на ее бледное, невероятно изысканное, точеное лицо. Он застрелил бы ее, будь у него с собой пистолет или ружье. Выстрелил бы, не задумываясь. Он бы целился ей

в живот. Митчелл представил, как поднимает ружье и нажимает на спусковой крючок. Представил, как Китти падает на пол, как стекленеют ее широко распахнутые глаза, в животе зияет окровавленная дыра. Он моргнул и увидел, что она так и стоит, прислонившись к стене, и издевательски ест шоколад, который он так аккуратно поместил в мышеловку. Она была очень худой, очень хрупкой и трогательной, и только теперь до Митчелла дошло, что он, наверное, ее напугал.

— Извини, я ворвался так резко.

— Да. — Она кивнула, словно они вдруг заделались лучшими друзьями. — Ты меня напугал, но мне и так было страшно.

Он сам был испуган не меньше. На мгновение он даже подумал, не рассказать ли ей о приснившемся ему кошмаре.

— Почему ты убиваешь зверей и птиц, Митчелл?

Она была почти хорошенькой, с тонкой талией и длинными волосами, светящимися в темноте, но растрепанная, с голодными глазами, чем-то напоминавшая бездомную попрошайку на железнодорожной станции.

— Помогает отвлечься, — произнес он неожиданно для себя самого, словно в кои-то веки был

искренним. Он и был искренним.

— От чего?

Он снова подумал, не рассказать ли ей о своих тревогах и тяжких думах, но вовремя прикусил язык. Не стоит рассказывать о сокровенном, когда общаешься с психами.

— Митчелл, ты все просрал. Прекрати убивать все живое вокруг, и тебе станет легче.

— У тебя нет дома? Тебе некуда пойти? — Он хотел проявить сочувствие, но даже ему самому показалось, что сказанное прозвучало как оскорбление.

— Да, я сейчас живу с матерью, но это не мой дом.

Она опустилась на колени, чтобы помочь ему вытащить кролика, превратившего его ловушку в посмешище. Митчелл смотрел на Китти и никак не мог понять, почему ему кажется, что эта хрупкая, грустная женщина может быть очень опасной.

— Знаешь что? — На этот раз Митчелл был искренне убежден, что помогает ей добрым советом. — Если ты перестанешь расхаживать всюду в чем мать родила и будешь хоть иногда одеваться, то станешь похожа на нормального человека.

Унесенная в страну фей

Исчезновение Нины обнаружилось лишь в семь утра, когда Джо принялся громко звать дочь, потому что опять потерял свою любимую перьевую ручку. Нина обладала невероятной способностью находить его ручку всегда, в любое время дня и ночи, о чем Лора слышала уже в сотый раз за этот отпуск. Всякий раз, когда Нина торжественно возвращала ручку своему голосившему отчаявшемуся отцу, он сжимал дочь в объятиях и вопил, драматично захлебываясь словами: «Спасибо, спасибо, спасибо». Часто на нескольких языках: польском, португальском, итальянском. Вчера это было: «*Danke, danke, danke*».

Никто не мог даже представить, что Джо будет орать на весь дом и звать Нину, чтобы та нашла его ручку, в такую несусветную рань, но именно так все и было, и Нина не пришла на зов. Изабель вошла в комнату дочери и обнаружила, что двери балкона распахнуты настежь. Она сорвала одеяло с кровати, но Нины в постели не оказалось, а простыня была испачкана кровью. Услышав рыдания Изабель, в комнату ворвалась Лора. Ее

подруга стояла с потерянным видом, указывая на кровать, и издавала какие-то странные хриплые звуки. Она была бледной, мертвенно-белой, сквозь ее сдавленные рыдания прорывались слова, но Лора так и не разобрала, что она говорит. «Гости», «кости», «винегрет», «ее нет». Какой-то бессмысленный набор.

Лора предложила поискать Нину в саду и чуть ли не за руку вывела Изабель из комнаты. Мелкие птички подлетали к бассейну с тихой зеленоватой водой, чтобы попить. В синем кресле Митчелла лежала забытая со вчерашнего дня коробка с вишней в шоколаде. Конфеты растаяли, коробка кишела муравьями. На холщовых шезлонгах валялись два мокрых пляжных полотенца. Между шезлонгами, словно прерванный разговор, стоял старый деревянный стул, который Изабель притащила из дома для Китти Финч. Под стулом лежала перьевая ручка Джо.

Это было заново скомпонованное пространство вчерашнего дня. Они прошли сквозь полосу кипарисов и вышли в засохший садик. Дождя не было несколько месяцев, а Юрген забывал поливать растения. Жимолость умирала, земля под бурой травой спеклась и растрескалась. Под самой высокой сосной Лора увидела мокрый

Нинин купальник, лежавший на толстом ковре из сосновых иголок. Наклонившись, чтобы его поднять, даже она не удержалась от мысли, что красные вишни на ткани напоминают пятна крови. Она вытащила из кармана маленький калькулятор, который они с Митчеллом взяли с собой, чтобы вести учет расходов.

— С Ниной все хорошо, Изабель. — Лора провела пальцем по кнопкам, словно знакомые цифры и символы, m+ и m—, знак умножения и десятичная запятая, могли вызвать Нину сюда, целую и невредимую. — Она, наверное, пошла прогуляться. Ей четырнадцать лет, Изабель. С ней ничего не случится. Ее никто не… — Она чуть было не ляпнула «не убьет», но вовремя прикусила язык и собралась сказать: «Не унесет в страну фей».

Но она не закончила фразу, потому что Изабель сорвалась с места и умчалась так рьяно и быстро, что кипарисы потом дрожали еще пару минут. Наблюдая за этим сумбуром деревьев, Лора подумала, что их словно выбило из равновесия и теперь они даже не знают, как обрести прежнюю форму.

Дочки-матери

В гостевой комнате было темно, жарко и душно: окна закрыты, шторы плотно задернуты. Пара рваных заношенных сланцев валялась на куче засыхающей сорной травы на полу. Рыжие локоны Китти струились по комковатой подушке в грязных разводах, руки в россыпи мелких веснушек обнимали Нину, которая лежала на боку, прижимая к груди плюшевого кролика — словно цепляясь за последнюю ниточку, связывающую ее с детством. Изабель знала, что Нина не спит, а лишь притворяется спящей под простыней, подозрительно напоминающей накрахмаленную белую скатерть. Или белый саван.

— Нина, вставай.

Голос Изабель прозвучал резче, чем хотелось бы ей самой.

Китти открыла глаза и прошептала:

— Ночью у Нины начались месячные, и она пришла спать ко мне.

Двум сонным девочкам было хорошо и спокойно в объятиях друг друга. Изабель заметила на полке книги: пять-шесть изрядно потрепанных томиков, все — сборники стихов ее мужа. Две

бледно-розовые розы стояли в стакане с водой на тумбочке у кровати. Розы, которые могли быть срезаны только в саду Маделин Шеридан, разбитом в память об Англии здесь, во Франции.

Изабель вспомнилось странное замечание Китти в их вчерашнем утреннем разговоре после совместного заплыва в бассейне: «Поэзия Джо представляется мне разговором лично со мной». Какие у Китти Финч могут быть разговоры с ее мужем? Надо ли растолкать дочку и увести ее из этой комнаты, где жарко, как в парнике? Очевидно, Китти специально удерживает тепло для согрева растений. Она создала себе маленький, жаркий, хаотичный мирок, наполненный книгами, фруктами и цветами, крошечное независимое государство на гостевой вилле, где на стенах развешены репродукции Матисса и Пикассо, криво вставленные в самодельные рамы. Два пушистых шмеля ползали по желтым шторам в поисках открытого окна. Шкаф был открыт, в его темных глубинах белела короткая накидка из перьев. Худенькая, стройная и красивая, в драных сланцах и вылинявших летних платьях, Китти Финч везде чувствовала себя как дома. Изабель так и стояла в растерянности, не зная, что делать. Надо ли ей настоять, чтобы Нина

поднялась с постели и вернулась наверх в свою одинокую чистую комнату? Если вырвать ее из рук Китти, это будет жестоко. Изабель склонилась над дочкой и поцеловала ее в темную бровь, которая легонько подергивалась.

— Когда проснешься, приходи завтракать.

Нина лежала, крепко зажмурившись. Изабель вышла, закрыв за собой дверь.

Она вошла в кухню и сказала Йозефу и Лоре, что Нина спит с Китти.

— Ага. Я так и думал.

Ее муж почесал в затылке и пошел забирать свою ручку, которая, как сообщила ему Лора, лежала «под Киттиным стулом». Он накинул на голые плечи белую наволочку и стал похож на самопровозглашенного святого. Джо закрывал плечи, чтобы не обгореть на солнце, когда он работает в саду, но Лору это все равно жутко бесило. Когда она выглянула в окно, Джо хмуро разглядывал золотое перо, словно оно повредилось. Лора открыла холодильник. Митчелл попросил достать кусок зачерствевшего сыра, чтобы положить его в мышеловку. Это будет приманка для крысы, которую он сегодня ночью видел в кухне. Крыса погрызла палку салями, висевшую на крюке над раковиной. Колбасу пришлось выки-

нуть. Митчелл не столько побрезговал, сколько взъярился. Его возмутило, что какой-то вонючий грызун портит продукты, которые он покупает на свои кровные деньги, нажитые непосильным трудом. Он воспринял это как личное оскорбление, словно крысы медленно, но верно проедали дыру в его кошельке.

Дочки и папы

Стало быть, его пропавшая дочь спит в постели Китти. Джо сидел в саду за своим «походным» письменным столом, ждал, когда пройдет паника и уймется дрожь в пальцах, и наблюдал, как на кухне его жена беседует с Лорой. Воздух с трудом вырывался из горла, что-то мешало дышать. Неужели он думал, что Китти Финч, переставшая принимать сероксат и терзаемая неизбывной душевной болью, окончательно слетела с катушек и убила его дочь? Теперь жена направлялась к нему, он видел ее сквозь просветы между кипарисами. Джо заерзал на стуле, как будто что-то в нем рвалось бежать от нее или, может быть, бежать к ней. Он действительно не понимал, куда его тянет. Он мог попытаться поговорить с Изабель, но не знал, как начать разговор, потому что не знал, чем это может закончиться. Временами ему казалось, что ей неприятно на него смотреть. Разве что мельком, из-под волос, скрывающих лицо. Но и он тоже не мог посмотреть ей в глаза, потому что так часто ее предавал. Возможно, теперь ему нужно хотя бы попробовать и сказать, что каждый раз, когда она бросала свою дочь-ма-

лышку ради сомнительного удовольствия спать в палатке, кишащей скорпионами, он понимал, что ее жизнь наполняется большим смыслом, когда она рискует попасть под пулю в зоне военных действий, а не когда он обманывает ее в их безопасном семейном гнездышке. Тем не менее он помнит, как дочка плакала и звала маму, когда была совсем маленькой, а потом научилась не звать и не плакать, потому что мама все равно не придет, как ни зови. В свою очередь, горести дочери всколыхнули в нем (ее отце) чувства, с которыми он не умел справляться достойно. Он описывал в своих стихах, как опекуны определили его в интернат и как он с тоской наблюдал за родителями одноклассников, приезжавших в дни посещений (по воскресеньям), и если бы к нему приезжали родители, он бы вечно стоял на следах шин их машины в дорожной пыли. Его мама с папой были гостями ночными, а не дневными. Они приходили к нему в сновидениях, которые сразу же забывались, но он истово верил, что они его ищут. Больше всего его беспокоило, что они плохо знают английский и не смогут добиться, чтобы их понимали. Здесь ли Йозеф, наш сын? Мы искали его повсюду, по всему миру. Он плакал и звал их, а потом научился не звать и

не плакать, потому что они все равно не придут, как ни зови. Он смотрел на свою загорелую жену, прячущую лицо под вуалью из черных волос. Им надо поговорить. После этого разговора что-то начнется или что-то закончится. Но как найти правильные слова? Как ничего не испортить?

Джо услышал свой голос словно издалека. Он спрашивал у нее, любит ли она мед.

— Да. А почему ты спросил?

— Потому что я так мало о тебе знаю, Изабель.

Он обшарил бы лапой все дупла во всех деревьях, чтобы набрать золотистых медовых сот и положить их к ее ногам, если бы верил, что это еще ненадолго удержит ее рядом с ним и их общим детенышем. От нее исходила волна одиночества и неприязни, и он понимал почему. Он явно был ей противен. Даже общество Митчелла ей было приятнее, чем общество мужа.

Он услышал, как она говорит:

— Сейчас самое главное сделать так, чтобы Нине было хорошо.

— С Ниной все хорошо, — огрызнулся он. — Я забочусь о ней с тех пор, как ей исполнилось три года, и с ней все прекрасно, разве нет?

Он открыл блокнот и взял в руку черную перьевую ручку, которая утром исчезла, а теперь

снова нашлась. Он сделал это нарочно, зная, что Изабель остается поверженной всякий раз, когда он работает или делает вид, что работает, и всякий раз, когда он говорит об их дочери. Блокнот и ручка — его оружие, которое заставляет жену замолчать и сохраняет семью, пусть не самую крепкую и счастливую, но все же семью. Дочь была его главной победой в их браке. Единственным, что он сделал правильно.

— да да да она сказала да да да она любит мед —

Пока его ручка выводила слова, угрожая порвать бумагу, он наблюдал за белой бабочкой, порхавшей над бассейном. Она была как дыхание. Как чудо. Дивное диво. Они с женой знали такое, о чем лучше не знать. Они оба видели, как обрывается жизнь. Изабель вела репортажи из горячих точек, чтобы люди помнили о катастрофах. Он пытался заставить себя забыть.

Время собирать камни

— У него дырочка посередине.

Китти подняла к свету гладкий круглый камушек размером чуть больше ее ладони и передала Нине, чтобы та рассмотрела его поближе. Они сидели на одном из общественных пляжей Ниццы под Английской набережной. Китти сказала, что на частных пляжах с них сдерут целое состояние за прокатные шезлонги и зонтик от солнца. Тамошние отдыхающие напоминают пациентов на больничных койках и вгоняют в уныние. Под жарким солнцем ее бледное восковое лицо пошло красными пятнами.

Нина послушно посмотрела сквозь дырочку. Она увидела улыбающуюся молодую женщину с блестящим малиновым стразиком в переднем зубе. Нина перевернула камень другой стороной: теперь женщина вынимала из пакета еду. Рядом с ней в низком брезентовом кресле сидела еще одна женщина. Эта вторая держала в правой руке поводок, прикрепленный к ошейнику огромного белого пса. Пес был похож на зимнего волка. Сибирский хаски с голубыми глазами. Нина смотрела сквозь дырочку в камне. Ей было не очень

понятно, что там у них происходит, но кажется, хаски пытался развязать зубами шнурки на кедах женщины со стразом в зубе. Все это Нина видела фрагментами сквозь дырочку в обкатанном морем камне. Посмотрев еще раз, она разглядела, что у женщины в черной футболке — только одна рука. Нина снова перевернула камень и прищурилась. Рядом с брезентовым креслом стояла электрическая инвалидная коляска, украшенная ракушками. Теперь женщины целовались взасос. Как будто у них любовь. Нина смотрела, как они прижимаются друг к другу, и слушала собственное дыхание: оно становилось все громче. Все каникулы она размышляла, что будет делать, если окажется наедине с Клодом. Он пригласил ее к себе в кафе на какой-то аперитив. Она не знала, что это такое; в любом случае кое-что произошло, и все изменилось.

Вчера ночью она проснулась и обнаружила, что у нее началась менструация. В первый раз. Она заставила себя встать, надеть купальник — первое, что попалось под руку, — и пойти к Китти, чтобы сообщить новость. Китти еще не спала, просто лежала в кровати, накрывшись старой скатертью и подложив под голову вместо подушки свернутое в рулон платье.

— У меня началось.

Сначала Китти не поняла, *что* началось. Потом схватила Нину за руку, и они побежали в сад. Нина видела свою тень одновременно и в бассейне, и на небе. Тень была неимоверно высокой и длинной, не было ей ни конца, ни начала, безграничное тело простиралось до самых звезд. Нине захотелось поплавать в бассейне, и когда Китти сказала, что при месячных можно купаться, она решила раздеться и войти в воду голой, и ее сестра-тень сбросила с себя купальник гораздо смелее, чем себя ощущала Нина в натуральную величину. Она нырнула в бассейн и спряталась в ковре из нападавших в воду листьев, не зная, что делать со своим новым телом, которое прямо сейчас превращалось во что-то загадочное и чужое.

Китти подплыла к ней и указала на серебристых улиток на каменном бортике. Она сказала, что звезды присыпали все своей пылью. Частички крошащихся звезд искрились на раковинах улиток. Потом Нина на мгновение зажмурилась.

зы-зы-зы — зы-зажмурилась

Стоя в воде голышом, она мысленно притворилась, что у нее серьезный дефект речи, и принялась заикаться у себя в голове. Она ощущала себя кем-то другим. Кем-то, кто начался

только сейчас. Кем-то, кто не был ею. Чувствуя себя нестерпимо счастливой, она ушла с головой под воду, чтобы отпраздновать чудо: появление Китти Финч. Она больше не одинока в компании Лоры с Митчеллом и мамы с папой, которые, как ей казалось, не то что не любят друг друга, а как будто и вовсе друг другу не нравятся.

Нина выбросила камень в море, чем, кажется, разозлила Китти. Она резко встала и рывком подняла Нину на ноги.

— Мне нужно больше камней. Тот, который ты выбросила, был идеальный.

— Зачем тебе камни?

— Буду их изучать.

Нина прихрамывала, потому что надела новые кроссовки и натерла мозоли на пятках.

— Они и так тяжеленные, — простонала она. — Давай уже собираться домой.

Китти обливалась потом, ее дыхание пахло чем-то сладким.

— Да, хорошо. Извини, что потратила твое время. Нина, ты хоть раз в жизни мыла полы? Хоть раз ползала на карачках с тряпкой в руках, пока твоя мать орет, что надо тщательнее мыть углы? Ты хоть раз в жизни пропылесосила лестницу или вынесла мусор?

Сразу видно, что эта изнеженная, избалованная девчонка в дорогих шортах (она видела этикетку) с аккуратно состриженными посеченными кончиками волос дожила до четырнадцати лет, не ударив пальцем о палец.

— В твоем роскошном лондонском доме тебе катастрофически не хватает реальных проблем.

Китти сердито швырнула на гальку рюкзак, набитый камнями, и вошла в воду прямо в желтом платье, которое, как она говорила, всегда поднимает ей настроение. Нина смотрела, как она подныривает под волну. В их лондонском доме, о котором говорила Китти, было не очень-то и уютно. Папа вечно сидит у себя в кабинете. Мама всегда в отъезде, ее платья и туфли аккуратно развешаны и расставлены в гардеробе, как вещи покойницы. Когда Нине было семь лет и у нее в волосах постоянно заводились вши, в доме пахло волшебными зельями, которые она «варила» из маминых кремов для лица и папиной пены для бритья. В большом доме в Западном Лондоне пахло и всяким другим. Папиными подружками и их разнообразными шампунями. Папиным одеколоном, который делала для него парфюмерша-швейцарка из Цюриха, чей муж владел двумя выставочными лошадьми в Болгарии. Папа все-

гда говорил, что ее композиции «прочищают ему мозги и раскрывают сознание», особенно — его любимый одеколон под названием «Венгерская вода». В роскошном лондонском доме пахло особым папиным статусом и простынями, которые он всегда клал в стиральную машину после того, как его очередная подруга уходила с утра пораньше. И абрикосовым джемом, который папа ел ложками прямо из банки. Он говорил, абрикосовый джем меняет его внутреннюю погоду, но Нина даже не знала, какая погода была изначально.

Хотя нет, вроде бы знала. Иногда она заходила к нему в кабинет, и ей было больно смотреть, как папа сидит, тихий и грустный, сгорбившись в своем шелковом халате, словно что-то его придавило. С раннего детства она привыкла к тому, что бывают такие дни, когда папа мрачно сидит в кресле, и не желает смотреть на нее, и даже не может заставить себя подняться, чтобы пойти спать. Она выходила из кабинета, тихонько прикрыв за собой дверь, потом приходила опять, приносила отцу чай, к которому он никогда не притрагивался, и чашки так и стояли нетронутыми (остывший чай покрывался склизкой бежевой пленкой), когда она снова заглядывала

к нему, чтобы попросить карманные деньги или чтобы он подписал разрешение на школьную загородную экскурсию. В конце концов Нина стала подписывать все сама, его черной чернильной ручкой. Вот почему она всегда знала, где найти его ручку, чаще всего — у нее под кроватью или в стаканчике с зубными щетками в ванной. Она придумала подпись, которую всегда могла повторить: Д.Г.Д с точками между буквами и завитушкой на втором «Д». Спустя какое-то время папа всегда приходил в себя и водил ее обедать в «Ангус стейк-хаус», где они неизменно садились за один и тот же столик. Они никогда не говорили о его детстве и о его многочисленных подругах. Такой у них был негласный секретный договор, даже не столько договор, сколько непреходящее ощущение, словно в подошву стопы впился крошечный осколок стекла: от него не избавиться, с ним чуть-чуть больно, но, как говорится, жить можно.

Китти вернулась в промокшем платье и стала что-то рассказывать, но хаски заливался лаем, гоняя чаек. Нина видела, как шевелятся губы Китти, и понимала — со странной ноющей болью внутри, — что Китти все еще сердится. И даже если не сердится, все равно что-то не так. По дороге

к машине Китти сообщила:

— Завтра я встречаюсь с твоим отцом в кафе Клода. Мы будем говорить о моем стихотворении. Нина, я так волнуюсь. Лучше бы я осталась в Лондоне, устроилась бы на работу на лето в каком-нибудь пабе. Я не знаю, что будет дальше.

Нина не слушала. Она увидела загорелого парня в серебряных шортах. Он ехал по набережной на скейтборде, держа под мышкой пакет с лимонами. Сначала она подумала, что это Клод. Но это был кто-то другой, просто похожий. Нина услышала птичий крик, как ей показалось, исполненный боли, и не решилась обернуться в сторону пляжа. Наверное, хаски (или снежный волк) все-таки поймал чайку. Может, и не поймал; но тут Нина заметила неподалеку старуху-соседку. Она шла под руку с Юргеном, щеголявшим в темных очках с красными стеклами в виде сердечек. Нина окликнула их и помахала рукой.

— Это Маделин Шеридан, наша соседка.

Китти прищурилась:

— Да, я знаю. Старая злая ведьма.

— Разве она злая?

— А то! Она называет меня Кэтрин и чуть меня не убила.

И тут Китти сделала что-то настолько странное

и пугающее, что в первый миг Нина опешила и подумала, что ей показалось. Наверное, она просто не разглядела как следует. Выгнув спину, Китти наклонилась назад и принялась быстро-быстро мотать головой. Медно-рыжие волосы разметались, тонкие руки бились и дергались над головой. Нина видела пломбы в зубах. Потом Китти выпрямилась, подняла голову и показала Маделин Шеридан средний палец.

Китти Финч явно страдала расстройством психики.

Медицинская помощь по-одесски

Маделин Шеридан пыталась расплатиться за пакетик орехов в карамели, который купила на набережной у продавца-мексиканца. Запах жженого сахара возбудил в ней охоту к орехам, которыми, будем надеяться, она наконец-то подавится до смерти. Давно пора. Ее ногти крошились, кости слабели, волосы неумолимо редели, талия исчезла уже навсегда. В старости она превратилась в жабу, и если кто-то дерзнет ее поцеловать, она не превратится обратно в принцессу, потому что, уж если на то пошло, никогда и не была принцессой.

— Чертова мелочь. Это какая монета, Юрген? — Но прежде чем Юрген успел ответить, Маделин прошептала: — Ты видел, *что* мне сейчас показала Китти Финч?

Он пожал плечами:

— Ага. Китти-Коте есть что вам сказать. Но сейчас у нее появились новые друзья, и она вполне счастлива. Кстати, надо заказать верховую прогулку для Нины. Котя повезет ее покататься.

Маделин позволила ему взять себя под руку и увести (как-то уж слишком поспешно) в ближай-

ший бар на пляже. Юрген был единственным человеком в ее окружении, с кем она говорила о прошлой жизни в Англии и о муже, от которого сбежала давным-давно. Собеседник, всегда пребывающий в ступоре, никогда тебя не осуждает, тем и ценен. Несмотря на разницу в возрасте, общество Юргена было Маделин весьма приятно. Не имея других занятий, кроме как жить за счет окружающих и по возможности предаваться блаженному безделью, он помогал ей почувствовать себя человеком, а не унылой развалиной. Может быть, потому, что не слушал, что она говорит.

Сегодня все было наоборот: она почти не слушала, что говорит он. От Китти Финч не стоит ждать ничего хорошего. Вот о чем думала Маделин Шеридан, наблюдая, как моторная лодка расчерчивает синие воды моря белыми пенными линиями. Юрген нашел столик в тени и помог ей опуститься на стул, слишком маленький и неудобный для раздувшейся жабы. Кажется, он не заметил, что ей пришлось скособочиться, отчего у нее разболелось все тело. Ему стоило бы проявить больше чуткости, но после встречи с Китти Финч она находилась в таком смятении, что все остальное сейчас отошло на второй план.

Она попыталась отвлечься и успокоиться, на-

стойчиво требуя, чтобы Юрген снял очки.

— А то словно смотришь в две черных дыры, Юрген.

Через четыре дня у нее день рождения, а конкретно сейчас ей ужасно хотелось пить. Она буквально сходила с ума от жажды. Она пригласила Юргена на праздничный обед чуть ли не за месяц и с нетерпением ждала назначенной даты. Сегодня утром она позвонила в свой любимый ресторан — уточнить, что есть в меню, — и попросила метрдотеля, чтобы ей зарезервировали место на автостоянке прямо у входа в обмен на щедрые чаевые. Маделин крикнула официанту, чтобы тот принес порцию виски и пепси для Юргена, который не употреблял алкоголь по духовным причинам. Уродливой старухе очень непросто завладеть вниманием официанта, который обслуживает молодых женщин, загорающих с голой грудью в одних крошечных трусиках. Она читала о йогах-сиддхах, которые становились невидимыми благодаря долгой практике, нечеловеческой сосредоточенности и медитации. Сейчас ей удалось стать невидимой для официанта, не прилагая к тому ни малейших усилий. Маделин вскинула руки и принялась махать ими над головой, словно сигналила аэроплану, про-

летающему над необитаемым островом. Юрген указал на аккордеониста из Марселя, сидевшего на деревянном ящике рядом с мигающим пинбольным автоматом. Музыкант обливался потом в черном костюме, который был ему велик на три размера.

— Сегодня вечером он играет на свадьбе. Мне рассказал пчеловод из Вальбонна. Если я буду жениться, я тоже его приглашу, чтобы он играл на моей свадьбе.

Потягивая свой с боем выбитый виски, Маделин Шеридан удивилась, каким тонким и звонким вдруг стал его голос.

— Женитьба — не лучший жизненный выбор, Юрген.

Определенно не лучший. Она стала рассказывать (в который раз), что у нее в жизни было два величайших побега: когда она ушла из дома, чтобы изучать медицину, и когда ушла от мужа, чтобы переехать во Францию. Маделин пришла к выводу, что ее не удовлетворяет любовь с Питером Шериданом, и променяла несчастливую жизнь респектабельной женщины на совершенно не респектабельную несчастливую жизнь человека, порвавшего связи с любовью. Сейчас она смотрела на своего юного собеседника, чей

голос звенел и заметно дрожал, и ей казалось, что где-то в глубине души, в его изношенном сердце (потому что не надо так много курить) ему и правда хотелось связать себя узами брака, завершить круг одинокой жизни, которая, скажем прямо, не жизнь, а сплошное недоразумение.

Это напомнило ей, как однажды они гуляли по пляжу в Вильфранше и увидели свадьбу прямо на берегу моря. Подружки невесты были одеты в желтую тафту, сама невеста — в желтый и кремовый атлас. Она пренебрежительно фыркнула, и что сказал хиппи Юрген?

— Дайте им шанс.

И это тот самый человек, который пару месяцев назад сказал своей девушке, что не видит смысла официально скреплять отношения. Мол, ничего нет хорошего в семейной жизни. Девушка ему не поверила и потащила на аргентинское барбекю, где собиралась сама сделать ему предложение. Горы настоящих деревянных дров. Душистый дым. Куски мяса, привезенные из пампасов, скворчат на углях. Его девушка съела почти половину бифштекса с кровью и только потом обратила внимание, что Юрген вообще ничего не ест. Тут она вспомнила, что он воинствующий вегетарианец. Возможно, она слишком громко

смеялась, когда он ей это сказал.

— Мне кажется, Китти Финч что-то против меня замышляет.

— *Ach, nein*. — Юрген поморщился, словно ему было больно. — Котя, она никому не сделает больно. Только себе. Клод меня спрашивал, почему мадам Джейкобс так настойчиво приглашала ее остаться на вилле. Но я без понятия.

Маделин посмотрела на своего юного друга мутными близорукими глазами.

— Как я понимаю, ей хочется, чтобы красивая сумасшедшая девушка отвлекла ее мужа, чтобы она наконец-то могла его бросить.

Юргену вдруг захотелось угостить аккордеониста выпивкой. Он подозвал официанта и попросил принести музыканту пива. Маделин наблюдала, как официант что-то шепчет на ухо аккордеонисту, и пыталась забыть, как четыре месяца назад она встретила Китти Финч в переулке рядом с цветочным рынком на Кур-Салья. Эта встреча была еще одним пунктом в длинном списке вещей и событий, которые ей хотелось забыть.

Она набрела на эту огненно-рыжую английскую девочку прохладным весенним утром по дороге в лавку марсельского мыла ручной рабо-

ты, где собиралась купить два куска: один — с пальмовым маслом, другой — с оливковым, оба смешаны с водорослями из Средиземного моря. Полностью голая Китти разговаривала сама с собой, сидя на ящике с гнилыми сливами, не проданными на рынке и выброшенными под конец дня. Бомжи, ночевавшие в переулке, смеялись над ней и отпускали похабные замечания насчет ее обнаженного тела. Маделин Шеридан спросила, где ее одежда, и Китти ответила, что на пляже. Маделин вызвалась съездить на пляж и привезти ей одежду. Китти пусть остается на месте и ждет. А потом Маделин отвезет ее на туристическую виллу, где она остановилась, когда приехала изучать горные растения. Китти частенько живет на вилле, когда Рита Дуайтер не сдает ее вышедшим на покой руководителям хедж-фондов, потому что Киттина мама раньше работала у Риты уборщицей. Миссис Финч была правой рукой Риты Дуайтер, секретаршей, кухаркой, но преимущественно уборщицей, не выпускающей тряпку и швабру из рук.

Китти Финч сказала Маделин, чтобы та отвалила, иначе она позовет полицию. Маделин Шеридан могла бы уйти и оставить девочку в том проулке, но она так не сделала. Китти была

слишком юной, чтобы разговаривать сама с собой среди бомжей с омертвевшими взглядами, упертыми в ее голую грудь. К удивлению Маделин, сумасшедшая девочка вдруг передумала. Она сказала, что оставила джинсы, футболку и туфли — ее любимые туфли в красный горошек — на пляже напротив отеля «Негреско». Китти придвинулась ближе и прошептала ей на ухо:

— Спасибо. Я подожду здесь.

Маделин Шеридан вышла из переулка, завернула за угол и, когда убедилась, что теперь Китти ее не видит, вызвала «Скорую».

По ее мнению, Кэтрин Финч страдала нервно-психическим беспокойством, протекавшим на фоне потери веса, расстройства сна, тревожности, суицидальных мыслей, пессимистических настроений, боязни будущего и нарушения концентрации внимания.

Музыкант поднял кружку с пивом в благодарственном жесте, обращенном к узкобедрому молодому мужчине, сидевшему в компании древней старухи.

Китти Финч удалось выкарабкаться. За ней приехала мать и увезла домой в Англию, где Китти два месяца пролежала в клинике в Кенте

под названием «Английский сад». По всей видимости, большинство медсестер были из Литвы, Киева и Одессы. В форменных белых халатах они напоминали подснежники на зеленых лужайках вокруг больницы. Так Китти Финч сказала своей маме, а миссис Финч передала Маделин, которая была неприятно поражена, узнав, что медсестры — все, как одна — в обеденный перерыв беспрестанно курили.

Юрген подтолкнул Маделин Шеридан локтем. Аккордеонист из Марселя играл для нее. Она была слишком взвинчена, чтобы слушать музыку. Китти вышла из клиники и вернулась сюда, чтобы ее наказать. Может быть, даже убить. Иначе зачем она здесь? Маделин была искренне убеждена, что Китти — явно не тот человек, кому можно доверить везти ребенка (а именно Нину) на пляж по опасным горным дорогам. Надо было бы поговорить с Изабель Джейкобс, но она почему-то не могла заставить себя завести этот разговор. Она просто вышла за мылом, а в итоге вызвала «скорую», Transport Sanitaire по-французски, и что-то свербило в душе, что-то подсказывало, что она поступила не очень красиво. Но все же когда молодая девчонка расхаживает голышом в общественном месте и скачет вперед-назад,

выкрикивая совершенно бессвязные, бредовые фразы, это пугает, и Маделин действительно за нее испугалась. Пожалела и попыталась помочь. Ей даже в голову не приходило, что кто-то может не захотеть, чтобы его спасли от безумия.

Аккордеонист кивнул Юргену, и тот понял, что сегодня ему повезло. Он прикупит чуток гашиша, и они с Клодом раскурятся и унесутся прочь с Лазурного Берега, в то время как все туристы, напротив, сюда стремятся. Юрген снова надел темные очки с красными стеклами и сказал Маделин Шеридан, что сегодня он замечательно провел день, но у него слегка крутит живот. В последнее время он страдает запорами и, кажется, знает причину. Это все потому, что он не может исполнить свою мечту. О чем он мечтает? Юрген отпил пепси и заметил, что старая докторша принарядилась к обеду. Она накрасила губы, вымыла голову и завила волосы — или то, что от них осталось. Он не мог ей сказать, что его мечта — выиграть в лотерею и жениться на Китти-Коте.

Вторник

Чтение и письмо

Джо Джейкобс лежал на кровати в «хозяйской спальне», как ее обозначили в памятке для отдыхающих, и страдал без карри. Больше всего на свете ему хотелось бы оказаться сейчас в мастерской своего портного-индуса в Бетнал-Грине. В окружении шелка. С чашкой душистого сладкого чая. В Приморских Альпах ему не хватало каяна. Риса. Йогурта. И автобусов. Он скучал по двухэтажным автобусам. И по газетам. И по прогнозам погоды. Иногда он сидел у себя в кабинете в Западном Лондоне и внимательно слушал по радио, какая погода будет в Шотландии, Ирландии и Уэльсе. Если в Западном Лондоне сияло солнце, ему было приятно знать, что в Шотландии ожидается снег, а в Уэльсе — дождь. А сейчас, вместо того чтобы спокойно валяться в постели, ему придется подняться и обыскать хозяйскую спальню на предмет стихотворения Китти Финч. Вдалеке слышались выстрелы: в саду Митчелл палил по кроликам. Встав на колени, Джо выудил из-под кровати потертый конверт, который сам же туда загнал. Он держал конверт двумя руками и тупо смотрел на надпись, сделанную аккурат-

ным каллиграфическим почерком ботаника, привыкшего тщательно зарисовывать растения и подписывать этикетки.

Заплыв домой

Китти Финч

Когда Джо наконец вытащил из конверта листок бумаги, он с удивлением обнаружил, что его руки дрожат, как, наверное, дрожали бы руки отца, если бы тот дожил до преклонных лет и продолжал лудить и чинить чайники и кастрюли. Он поднес лист поближе к глазам и заставил себя прочитать слова, плывшие по странице. Потом отодвинул листок подальше и, сощурившись, прочитал еще раз. Никакой угол зрения не облегчал понимания. Слова теснились по всей странице, разбегались к краям, иногда выходили за край, а затем возвращались в центр линованного листа, передавая печальное прощальное сообщение. Какого она ждала отзыва, когда он это прочтет? Что, она думала, он ей скажет? Джо был озадачен и заинтригован. К воротам виллы подъехал рыбный фургон. Голос, ревущий в динамике, выкрикивал названия рыб. Там была рыба большая, grand, и рыба поменьше, petit. Были ры-

бины по шесть франков и рыбины по тринадцать. Никто из них не доплыл домой. Их всех выловили по дороге. Кусочек прозрачного скотча, которым был заклеен конверт, напоминал пластырь на ранке. Джо на секунду закрыл глаза, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул через нос. На обеде с Китти ему придется импровизировать. Он проверил внутренний карман пиджака, чтобы убедиться, что бумажник на месте, и забросил конверт под кровать, повторяя про себя в который раз, как сильно он ненавидит вторники. И среды, и четверги, и пятницы, и т. д.

и так далее

Синонимический ряд: и тому подобное, и другие, и все в таком духе. Et cetera на латыни. Стихотворение «Заплыв домой» состоит из сплошных *и т. д.* Он насчитал их семь штук лишь на одной половине страницы. Что это за язык?

Моя мать говорит, я — единственная драгоценность в ее короне.

Но она подустала изрядно от моих и т. д.

И теперь ходит с клюкой.

Принять ее язык означало признать, что она дорожит им, своим читателем, и высоко его ценит. Его просили вынести что-то из этих слов, и

он вынес вот что: в каждом ее *и т. д.* скрывалось нечто, о чем нельзя сказать вслух.

Китти ждала его на веранде в кафе Клода. К своему вящему неудовольствию, он заметил, что рядом с ней за столиком сидит Юрген. Тот возился с каким-то куском веревки, пропуская его между пальцами, словно плел паутину. Джо уже начал подозревать, что Юрген выступает сторожевым псом при Китти Финч: не то чтобы скалится и рычит на любого незваного гостя, но все равно оберегает ее и ревнует. Похоже, забыл, что незваная гостья — это она сама. Как бы то ни было, Юрген явно пытался следить, чтобы к ней приближались только желанные гости, а не возмутители спокойствия, незаконно проникшие на ее территорию. Китти не проявляла к нему ни малейшей симпатии. Она как будто знала, что Юргена не надо ласкать и поглаживать, что не надо поддерживать в нем никаких устремлений, кроме готовности ее защищать.

— Привет, Джо, — улыбнулась Китти.

У нее на лбу полыхало алое пятно, словно она приложилась к горячему утюгу. Солнце было неласково к ней, как и ко всем рыжеволосым людям с очень бледной кожей.

— Китти, ты зря не пользуешься солнцезащит-

ным кремом, — сказал он по-отечески строго.

Клод, знающий о своем поразительном сходстве с Миком Джаггером и активно работающий на поддержание этого счастливого генетического совпадения, принес большую бутылку минеральной воды и два стакана. Джо схватился за эту возможность протянуть время и избежать разговора о стихотворении, которое он запихал под кровать к тараканам и т. д.

Он обратился к Китти:

— Ты заказывала воду?

Она покачала головой и мрачно взглянула на Клода. Джо слышал свой голос, отчитывающий насупленного официанта, словно издалека:

— Что плохого в воде из-под крана?

Клод посмотрел на него с откровенной неприязнью:

— В воде из-под крана полно гормонов.

— Неправда. Бутилированная вода — это просто уловка, чтобы вытянуть из туристов побольше денег.

Джо услышал, как Клод рассмеялся. Кроме смеха и пения птиц не было слышно вообще ничего. Смеха, пения птиц и нервного гула, исходившего от Китти Финч, которая и сама была птицей или неким странным сказочным существом. Он не

мог заставить себя на нее посмотреть и поэтому впился глазами в Клода:

— Скажите мне, сэр, у вас в стране не умеют качественно обрабатывать воду, чтобы ее можно было спокойно пить?

Клод, расфуфыренный, как низкопробный сутенер, демонстрирующий новые бриллиантовые запонки, молча открыл бутылку с ледяной водой и направился к собакам, которые дрыхли в тени под каштаном. Он подмигнул Юргену и наполнил водой из бутылки собачьи миски, стоявшие там же. Собаки не проявили особенного интереса. Пару раз равнодушно лизнули воду и опять улеглись спать. Клод потрепал каждую по голове и вернулся в кафе. Когда он в следующий раз вышел из кухни, он принес Джо стакан с теплой и мутноватой водой из-под крана.

Джо поднял стакан к свету.

— Как я понимаю, — обратился он к Юргену, который так и возился с веревкой, — эту воду берут из вонючих болот. — Он осушил стакан одним глотком и поставил его на стол. — Это вода. Она содержится в океанах и полярных льдах… В реках и облаках… Вода…

Клод щелкнул пальцами под носом английского поэта:

— Благодарю вас, месье, за урок географии. Но нам интереснее узнать, прочитали ли вы стихи нашей подруги? — Он указал на Китти. — Она нам говорила, что вы — известный и уважаемый поэт, и вы так любезно пообещали ей изложить свое мнение о ее скромных попытках стихосложения.

Джо все же пришлось посмотреть на Китти. Ее серые глаза, иногда становившиеся почти зелеными, сияли на обожженном солнцем лице как-то особенно ярко. Похоже, ее ничуть не смутило непрошеное выступление Клода в ее поддержку. Она была вполне довольна и даже, кажется, благодарна. Джо подумал, что на данный момент это был худший день за весь отпуск. Он уже староват для таких развлечений и слишком занят, чтобы терпеть общество идиотов, неравнодушных к его персоне и совершенно ему не интересных.

— Это конфиденциальный разговор двух писателей, — тихо проговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Китти залилась румянцем и уставилась себе под ноги.

— Ты считаешь, что я писатель?

Джо нахмурился:

— Да. Вполне вероятно, что да.

Он нервно взглянул на Юргена, который, кажется, полностью потерялся в хитросплетениях своей веревки. Собаки теперь жадно лакали дорогую бутилированную воду из щербатых глиняных мисок. Клод ушел внутрь кафе, где накануне повесил плакат с Чарли Чаплином, стоящим с выбеленным лицом в круге света и держащим тросточку между ног. Внизу было написано: Les Temps modernes. Под плакатом стоял резиновый надувной инопланетянин с гирляндой из пластикового плюща, обернутой вокруг шеи. Клод скрылся в кухне и принялся жарить в утином жире вчерашний картофель, то и дело поглядывая в окошко: чем там занимается Китти-Котя с английским поэтом?

Китти наклонилась и прикоснулась к плечу Джо. Это был странный жест. Как будто она проверяла, здесь ли он.

— Я собрала все твои книги.

В ее голосе слышалась смутная угроза. Как будто он ей что-то должен лишь потому, что у нее есть его книги. Ее непричесанные медно-рыжие локоны, рассыпавшиеся по плечам, напоминали чудесный сон, который он выдумал, чтобы себя подбодрить. Как у нее получается вмещать в себя столько чарующей красоты? От нее пахнет

розами. Она мягкая, тонкая, гибкая. Интересная, милая и прелестная. Она любит растения. У нее зеленые пальцы. Или, если точнее, зеленые ногти. Она восхищается им, жаждет его внимания и интригует его. Можно было и не читать ее стихотворение, потому что он уже понял, о чем оно и зачем.

Клод, непривычно смиренный и беспристрастный, принес им зеленый салат и жареный картофель. Джо взял ломтик картошки и окунул его в горчицу.

— Я все думал о твоем названии. «Заплыв домой».

Его голос звучал беспечно. Намного беспечнее, чем он себя ощущал. Он не стал говорить, что именно думал о ее названии. Прямоугольный каменный бассейн на территории виллы напоминал ему гроб. Плавучий открытый гроб с подводной подсветкой, которую Юрген ругал нехорошими словами, пока возился с заменой лампочек. С их приезда ему пришлось менять лампочки уже дважды. Бассейн был просто ямой в земле. Могилой, залитой водой.

Два желтых шелковых параплана парили среди гор. Деревня как будто вымерла. На узких булыжных улочках не было ни души. Парапланы

спускались к реке, хотя обычно они приземлялись на базе в пяти километрах отсюда.

Китти набила рот салатными листьями. К ней подошла тощая кошка, потерлась о ноги. Китти бросила ей несколько ломтиков картошки. Потом легла грудью на стол:

— В этом году со мной что-то случилось. Я стала многое забывать.

Она нахмурилась, и он заметил, что обгоревшая кожа у нее на лбу уже пошла волдырями.

— Что забывать?

— Я не пы-пы-пы-пы…

Она была не поэтом. Она была чистой поэзией. Ему показалось, что она сейчас переломится пополам. Он подумал, что она вы-вы — вы-вы-влюбилась в него именно из-за его поэзии. Это невыносимо. Он просто не выдержит. Она все еще пыталась вспомнить, как сказать «помню».

Если он даже не может поговорить с ней о ее стихотворении, тогда какой от него толк? С тем же успехом он мог уехать в деревню и открыть лотерейный киоск на сельской ярмарке. Мог бы забросить поэзию и писать повестушки о годах заката империи с непременным участием пыльного черного «Хамбера Снайпа» и его верного давно состарившегося шофера.

Она была проницательным читателем, она пребывала в непреходящей тревоге, ее донимали мысли о самоубийстве, но, опять же, каким видится его читатель ему самому? Должен ли он непременно питаться зеленью и овощами, иметь постоянный ежемесячный оклад, отчислять часть зарплаты в пенсионный фонд, пользоваться абонементом в спортзал и скидочной карточкой в любимом супермаркете?

Ее взгляд, бурлящий адреналином, был как прожженное пятно, «и т. д.» в ее стихотворении — как ослепительный свет, оглушительный шум. И если это само по себе устрашало, то ее скрупулезное внимание к деталям вроде бы непримечательной повседневности ошеломляло еще сильнее: к пыльце и деревьям, упорно стремящимся ввысь, к инстинктам животных, к трудностям, связанным с необходимостью притворяться беспощадно нормальной, к его скованной походке (он скрывал от семьи свой ревматизм, что состарил его раньше времени), к нюансам настроений и чувств в них во всех. Вчера он видел, как она выпускала на волю пчел, пойманных в стеклянном плафоне садового фонаря, словно это она была пленницей, а не они. Ее восприимчивость превышала все пределы. Ис-

следовательница, искательница приключений, страшный сон. Каждое мгновение рядом с ней было как экстренная ситуация. Ее слова всегда — слишком прямые, слишком честные, слишком правдивые.

Ничего не остается, кроме как солгать.

— Извини, Китти, но я еще не прочитал твое стихотворение. Мне уже неудобно перед издателем, пора сдавать книгу, а все сроки горят. *И еще* у меня чтения в Кракове через три недели. *И еще* я обещал Нине сводить ее на рыбалку после обеда.

— Хорошо. — Она прикусила губу и отвернулась. — Хорошо, — повторила она, но ее голос дрогнул.

Юрген куда-то исчез. Китти сосредоточенно грызла ногти.

— А ты не хочешь его показать Юргену, это стихотворение? — спросил Джо и тут же пожалел о сказанном.

Она в прямом смысле слова вспыхнула у него на глазах. Это был не румянец, а взрыв огня. Искрящий электрический кабель, который уже начал плавиться. Она прожгла его взглядом настолько свирепым, что он растерялся. Что он такого сказал? Что плохого он сделал?

— Это стихотворение — разговор только с то-

бой. И больше ни с кем.

Он знал: так нельзя. Ему не надо искать в ней любовь. Так не должно быть, но именно так и было. Он пошел бы за край земли, чтобы найти любовь. Он честно старался ее не искать, но чем сильнее старался, тем больше копилось того, что взывало: найди меня. Он представлял ее на британском пляже с термосом горячего чая в сумке, представлял, как она уворачивается от холодных волн, пальцем пишет на песке свое имя, смотрит на мрачные силуэты атомных электростанций вдалеке. Такой пейзаж подошел бы ей больше — пейзаж как поэзия-катастрофа. Он прикасался к ней своими рифмами, но доподлинно знал, что нельзя прикасаться к ней как-то еще. Прикасаться в буквальном смысле. К примеру, губами. Это будет нечестно. Он не из тех, кто без зазрения совести пользуется своим положением. Он будет бороться с собой до конца. Всю дорогу. Куда? Он не знал, но бороться он будет. Если бы он верил в Бога, то упал бы на колени и стал бы молиться. Отче, избавь меня от этой муки. Забери эту боль. Пусть меня это не тронет. Пусть все пройдет. Он знал, что это была мольба или, может быть, крик души, обращенный не только к Отцу небесному, но и к его собственному отцу, угрюмому борода-

тому патриарху. Его папа — тень, за которой он гонялся всю жизнь, и т. д. Папа с ним попрощался и т. д. Мама с ним попрощалась и т. д. Он спрятался в темном лесу в Западной Польше и т. д.

Китти вскочила и принялась рыться в сумочке. Он сказал ей: не надо. Пожалуйста. Он угощает ее обедом. Она заявила, что заплатит за себя сама. Он видел ее кошелек: плоский, пустой, — но она все равно судорожно искала монетки, которых там не было. Он настойчиво ее уговаривал. Зачем делить счет? Он с удовольствием ее угостит. Ему нетрудно. Судорожно роясь в сумке, она кричала ему: замолчи, замолчи, замолчи, за кого он ее принимает? Раскрасневшаяся, разъяренная, она наконец нашла, что искала: потрепанную двадцатифранковую купюру, сложенную пополам, как будто ее отложили на какие-то крайние нужды. Она развернула купюру трясущимися руками, разгладила и положила на стол, придавив блюдцем. Потом убежала и скрылась из виду, завернув за угол. Он слышал, как она кашляет. Он слышал голос Юргена, который, похоже, ее поджидал. Она спросила его по-французски, почему бассейн такой мутный, а он спросил, почему она плачет. Джо услышал, как Юрген сказал ей: забудь, Китти-Котя, плюнь и забудь, сегодня

такой замечательный день, солнце светит вовсю. Это было похоже на песню. Забудь, Китти-Котя, забудь, улыбнись.

Джо достал из кармана шелковый платок и зарылся в него лицом. Первые пуленепробиваемые жилеты делались из шелка. Шелк был словно вторая кожа. Именно то, что ему сейчас нужно. И что ему делать? Что ему делать с ее стихотворением? Он ей не лекарь. Она не ждала от него, чтобы он озарил ее светом. Может быть, надо сказать Изабель, что молодая женщина, которую она пригласила пожить на вилле, грозилась что-то с собой сделать?

Скоро он едет в Польшу. Выступит со своими стихами в старом дворце в Кракове. Его переводчик и гид расскажет ему о трамвайных маршрутах и блюдах в меню. Его отвезут отдохнуть в Татры, покажут деревянные дачи в лесу. Женщины в цветастых платках будут пасти гусей и приглашать его в дом, предлагая отведать сыры и варенья. Когда придет время лететь домой, таможенник в варшавском аэропорту спросит его, не вывозит ли он икру, и он ответит: «Зачем мне икра? Я вывожу из страны только свое маслянистое черное прошлое, и это прошлое принадлежит нам обоим. Вот как все было. Папа

со мной попрощался и т. д. Мама со мной попрощалась и т. д. Они меня спрятали в темном лесу в Западной Польше и т. д.».

Кто-то похлопал его по плечу. К его немалому удивлению, Клод поставил на стол перед ним большой бокал с холодным пивом. С чего бы вдруг этот Мик Джаггер из Вильцершира проявил столько симпатии и заботы? Джо осушил полбокала одним жадным глотком. Потом взял двадцать франков, которые Китти оставила под блюдцем, и спрятал в нагрудный карман рубашки, пока Клод не прибрал их к рукам, чтобы отдать своему парикмахеру. Он придумает, как вернуть ей эти деньги. Через два дня она съедет. И все, слава богу, закончится. Он только-только приободрился, оставшись наедине с собой — он любил быть один, чтобы его никто не дергал, — но тут вдруг увидел на улице дочь. Она шла к кафе.

Нина держала в руках удочку и пластмассовое ведерко. О нет! Черт возьми, мысленно простонал Джо. Вот она, во всей красе. Моя дочь идет на рыбалку, накрасив глаза. И в огромных сережках в виде золотых обручей, которые будут цепляться за каждую ветку. Она пришла за ним, и теперь ему надо тащиться к реке. По жаре. Два километра. Он обещал.

Никто, кажется, не понимает, что ему пятьдесят семь. Ему придется спускаться к воде по крутому берегу и стараться не грохнуться на камнях. Без всякого энтузиазма он помахал дочери, и та потрясла удочкой над головой. Когда Нина подошла и присела к нему за столик, он схватил ее руку и крепко сжал:

— Мои поздравления. Твоя мама сказала, что у тебя наконец начались женские радости.

— Блин, заткнись.

Нина закатила глаза, потом, как зачарованная, уставилась на ведерко.

— Ладно, как скажешь. Может быть, ну ее, эту рыбалку? Посидим здесь, выпьем пива?

— Нет.

Джо прокашлялся:

— Э… у тебя есть все, что нужно… ну, для девушки, у которой только что начались?..

— Кажется, я попросила тебя заткнуться.

— Хорошо, хорошо.

— Где Китти?

— Она… э… куда-то ушла. Я не знаю.

Нина смотрела на папины волосы. В кои-то веки он причесался. Все-таки надо признать, он красивый мужчина, каким бы он ни был противным. И что бы он ни говорил, зачем-то он

постарался прихорошиться для Китти.

— Тебе понравилось ее стихотворение?

Что он должен был ей ответить? Он опять сделал то, что умел лучше всего. Он соврал:

— Я еще не читал.

Нина ущипнула его за руку так сильно, как только могла.

— Она вся испереживалась из-за того, что ты прочтешь ее стихотворение. Ехала вся на нервах, чуть не разбила машину. Вместе со МНОЙ. Мы чуть не вылетели с обрыва на той горной дороге. Ей пришлось призвать все свое мужество, чтобы прийти на встречу с тобой. Ее всю ТРЯСЛО.

— О боже! — Джо надул щеки.

— Что за «о боже»? Я думала, ты не веришь в Бога.

Его дочь Нина сердито фыркнула и повернулась к нему спиной.

Он хлопнул рукой по столу с такой силой, что стол аж подпрыгнул.

— НИКОГДА больше не смей садиться в машину, когда за рулем Китти Финч. Ты меня поняла?

Нина вроде как поняла, но никак не могла уяснить, что именно ей надо понять. Китти так плохо водила машину или чего? Папа был в ярости.

— Меня бесят люди в ДЕПРЕССИИ. Это у них как

работа. Единственное, к чему они прилагают усилия. Пестуют свою депрессию, носятся с нею как с писаной торбой. О боже, сегодня моя депрессия чувствует себя как нельзя лучше! О боже, сегодня я обнаружил еще один загадочный симптом, и еще один новый симптом будет завтра! Люди в ДЕПРЕССИИ ненавидят весь мир, бурлят желчью, а когда не страдают паническими атаками, то пишут стихи. ДЛЯ ЧЕГО они пишут стихи? Их депрессия — это самое ВАЖНОЕ, что у них есть. Их стихи — это угрозы. ВСЕГДА только угрозы. В их понимании нет никаких других чувств, равных по силе их собственной боли. Они ничего не дают миру, кроме своей депрессии. Просто еще одна коммунальная услуга. Как электричество, газ, вода и демократия. Без нее они просто не выживут. ГОСПОДИ, КАК ХОЧЕТСЯ ПИТЬ. ГДЕ КЛОД?

Клод выглянул на веранду. Он очень старался не рассмеяться, но поглядывал на Джо с некоторым уважением. На самом деле он даже подумывал, не спросить ли у Джо по секрету, не изыщет ли тот возможность как-то закрыть вопрос с кредитом Митчелла в кафе.

— Пожалуйста, Клод, принеси мне воды. Любой воды. Можно в бутылке. Нет. Лучше пива. Большую кружку. В этой стране подают пиво в

кружках?

Клод кивнул и скрылся внутри кафе, где еще раньше включил телевизор, чтобы смотреть футбол. Нина подняла удочку и помахала ею перед носом у папы.

— Мы собирались пойти на рыбалку. Так что вставай и пойдем, а то мы еще даже не вышли, а ты уже утомляешь меня до усрачки.

«До усрачки» Нина произносила со смаком. Это было ее новое любимое выражение.

— Вряд ли прямо уж до усрачки, — хрипло проговорил Джо.

Нина не решилась с ним спорить, потому что ей нравилось ходить с ним на рыбалку. Папа вечно выискивал в речке всякую мелкую жуть — к вящему восторгу дочки.

Клод принес пиво в самой большой кружке, которая только нашлась в кафе, и объяснил Нине, что больше не принимает заказы у ее отца, потому что смотрит полуфинал между Швецией и Бразилией.

— Полуфинал — это святое. — Джо бросил деньги на стол.

Клод что-то шепнул ему на ухо, и Джо вложил ему в руку пачку банкнот и сказал, что заплатит за все, что Митчелл заказывает в кафе, но тол-

стяк Митчелл ни в коем случае не должен знать, что его бесконечные торты, пирожные и прочая сдоба будут оплачены из гонораров богатенького паскуды-поэта.

Клод постучал себя пальцем по носу. Их тайна умрет вместе с ним. Взглянув на Нину, он сорвал ветку пурпурной бугенвиллеи, проросшей сквозь решетку веранды, свернул в браслет и с поклоном протянул Нине:

— Красавице-дочке поэта.

Нина сама удивилась тому, как беззастенчиво подала руку, чтобы Клод надел на нее цветочный браслет, словно пурпурный наручник. Когда пальцы коснулись ее запястья, ее сердце бешено заколотилось, кровь застучала в висках.

— Дай мне удочку, Нина. — Джо протянул руку. — Я выколю себе глаза. На самом деле я бы тоже не отказался посмотреть футбол. Тебе надо выучиться быть добрее к своему старому отцу.

Она слегка прикусила губу, надеясь, что это придаст ей кокетливый и обольстительный вид, и быстро взглянула на Клода, который беспомощно пожал плечами. Оба они знали, что, будь его воля, он смотрел бы только на Нину.

Когда они проходили мимо церкви, направляясь к дороге, ведущей к воротам, за которыми

уже начиналось поле (там паслись фыркающие быки, а неприметная тропинка за полем вела к мостику над рекой), он почувствовал, как рука дочери скользнула в карман его брюк.

— Почти пришли, — сказала она, подбодряя его.

— Заткнись, — отозвался он.

— Кажется, ты впадаешь в депрессию. Да, папа?

Джо споткнулся о кривой булыжник на мостовой.

— Как ты сказала, «почти пришли».

Фотография

Группа японских туристов лучилась счастьем. Они улыбались так долго, что это уже казалось неестественным. Изабель, сидевшая в тени серебристой оливы и ждавшая Лору, подсчитала, что они улыбались не меньше двадцати минут. Туристы фотографировали друг друга на фоне поблекших розовых стен музея Матисса, и их улыбки уже становились страдальческими и вымученными.

Многочисленные семейства расположились на пикники под оливковыми деревьями. Четверо стариков играли в шары, периодически прерывая игру, чтобы посетовать на аномально жаркую погоду, губящую виноградники по всей Франции. Лора помахала рукой Изабель, не замечая, что вошла прямо в кадр. Семеро японских туристов стоят, обнимая друг друга за плечи, и по-прежнему улыбаются. Перед ними — Лора с поднятой рукой. Ослепительная вспышка камеры.

На уроках в кардиффской школе Изабель всегда первая тянула руку, вызываясь ответить. Она знала ответы еще до того, как другие девчонки успевали осмыслить вопросы, — девчонки, кото-

рые, как и она сама, носили зеленые форменные пиджаки с вышитым на кармане девизом школы: «Пусть знания служат миру». Теперь ей подумалось, что надо поменять школьный девиз, чтобы сразу предупредить девочек, что знания далеко не всегда служат хорошую службу и далеко не всегда делают знающего счастливым. Всегда существует опасность, что знания высветят что-то такое, чего лучше не видеть. Новый девиз должен предостерегать, что во многих знаниях поистине много печали, и раз вкусив знаний, умные девочки из Кардиффа уже никогда не загонят джинна обратно в бутылку.

Старики возобновили игру. Где-то неподалеку играло радио, передавали новости о забастовке авиадиспетчеров. В тени под деревьями откупоривали фляжки с кофе. Дети падали с велосипедов. Семейства вкушали сэндвичи и фрукты. На склоне холма виднелись сине-белые здания отелей времен «Прекрасной эпохи». Изабель знала, что где-то поблизости расположено кладбище, где похоронен Матисс. В левой руке Лора держала бутылку красного вина. Изабель окликнула Лору, хотя та и так ее видела и уже направлялась к ней стремительной деловой походкой. Лора наверняка выскажет все, что думает

по поводу странного порыва Изабель пригласить Китти Финч на виллу, но Изабель ответит, что это она сняла виллу на лето и оплатила аренду из собственного кармана. Если Лоре с Митчеллом что-то не нравится, пусть переезжают в сельскую гостиницу рядом с Каннами, о которой она прочла в путеводителе. Старинный провансальский особняк, где подают хорошие вина и морского окуня в корочке соли. Самое что ни на есть подходящее место для Митчелла, который рассчитывал на грандиозные гастрономические каникулы, а вместо этого вынужден против собственной воли делить летний дом с незнакомой девицей, морящей себя голодом. Лора с Митчеллом любят порядок и четкий регламент. Митчелл составляет подробные пятилетние планы развития семейного бизнеса в Юстоне, строит диаграммы со всеми задачами, которые необходимо выполнить, пути решения и вероятную прибыль. Изабель восхищает их вера в будущее, их убежденность, что если все правильно организовать, то все пойдет именно так, как задумано.

Лора улыбалась, но вид у нее был не слишком радостный. Она села рядом с Изабель и сбросила босоножки. Потом сорвала сухую травинку и, вертя ее в пальцах, сообщила подруге, что их

магазин в Юстоне закрывается. Они с Митчеллом больше не могут сводить концы с концами. Они еле-еле выплачивают ипотеку. Они приехали во Францию с пятью кредитными картами на двоих и почти без наличных. У них даже нет денег, чтобы заправлять «мерседес», который Митчелл сдуру взял напрокат в аэропорту. На самом деле Митчелл по уши влез в долги, и она только сейчас об этом узнала. Даже здесь, в деревне, он задолжал всем и каждому. Уже много месяцев он ей твердит, что им обязательно что-нибудь подвернется и дела пойдут в гору, но ничего так и не подвернулось. Магазин будет ликвидирован из-за банкротства. По возвращении в Лондон им придется продать дом.

Изабель придвинулась к Лоре и обняла ее за плечи. Глядя на Лору с ее великанским ростом, иногда было трудно поверить, что эта женщина не возвышается — в буквальном смысле — над мелочной суетой, в которой барахтаемся все мы. Она сидела сгорбившись, и это пугало. Лора никогда не сутулилась, как это свойственно многим очень высоким людям, но сейчас она была просто раздавлена.

— Давай откроем вино.

Лора забыла штопор, и им пришлось выковыри-

вать пробку кончиком пластмассовой расчески. Они пили прямо из горлышка, передавая друг другу бутылку, как старшеклассницы, вырвавшиеся из дома на первых каникулах. Изабель рассказала Лоре, как все утро бегала по магазинам, искала Нине прокладки, но не знала, как они называются по-французски. Наконец продавец в одной из аптек подсказал, что это «serviettes hygiéniques». Он положил пачку прокладок в бумажный пакет, потом — в пластиковый пакет, затем — в еще один пластиковый пакет, словно в его представлении они уже были пропитаны кровью. Потом Изабель резко сменила тему. Спросила, есть ли у Лоры личный банковский счет. Лора покачала головой. Они с Митчеллом объединили счета, когда открывали магазин. Потом уже Лора сменила тему и спросила, не кажется ли Изабель, что Китти Финч немного… она помедлила, подбирая подходящее слово… «того»? Слово застряло в горле, как кость, и Лора пожалела, что у нее нет другого языка, чтобы выразить мысль, потому что в ее лексиконе были только слова со школьной площадки времен ее детства: в произвольном порядке от *долбанутой* и *дефективной* до *прибабахнутой, с присвистом, чеканутой* — и обратно вверх по алфавиту до *не*

все дома. Лора стала рассказывать, как сильно ее настораживает поведение Китти. Сегодня утром, собираясь в музей Матисса, она видела, как Китти ставила в вазу «букет» из хвостов трех кроликов, которых Митчелл подстрелил в саду, словно цветы. И что самое жуткое: Китти наверняка отрезала эти хвосты собственноручно. Взяла кухонный нож для мяса и отпилила кроликам хвосты. Изабель ничего не ответила, потому что была занята. Она выписывала Лоре чек. Заглянув ей через плечо, Лора увидела, что в чеке, подписанном девичьей фамилией Изабель, указана довольно весомая сумма.

Изабель Рис Джонс. На первом курсе, когда они познакомились, у Изабель, девочки из Кардиффа, был очень сильный валлийский акцент. Но она очень быстро от него избавилась и уже на втором курсе говорила почти на чистейшем английском, который к тому времени, когда в новостях вышла первая серия репортажей из Африки, стал совсем чистым. Лора, изучавшая африканские языки, старалась, чтобы у нее не проскальзывал английский акцент, когда говорила на суахили. Что было очень непросто, и сейчас Лоре хотелось бы поразмыслить об этом подольше, но Изабель уже убрала ручку и тихонько покашляла. Она

заговорила, и, кажется, к ней вернулся акцент. Лора пропустила первые фразы, но потом все же включилась и поняла, о чем речь. Уборщица из Северной Африки, которая чуть ли не даром моет полы на вилле, кажется, объявила забастовку. Эта женщина постоянно ходила в платке и чинила розетки вместо Юргена, который с радостью обнаружил, что уборщица разбирается в электрике гораздо лучше него. Лора видела, какими глазами она смотрит на провода и однажды — из окна — на серебряный свет, якобы излечивший Матисса от туберкулеза. Эта женщина почему-то запала ей в голову, и Лора сама не могла понять, с чего вдруг, но потом вспомнила, что говорила Изабель, выписывая чек. Что-то насчет того, что Лоре надо открыть собственный банковский счет, отдельно от Митчелла. Она рассмеялась и напомнила Изабель, что ее девичья фамилия — Кабель. Лора Кабель.

Живность

— Не надо лить на себя столько солнцезащитного крема, Митчелл.

Китти Финч была явно не в духе. Раздевшись догола, она стояла на краю бассейна, словно находилась одна.

— Из-за всех этих жиров сбивается химический баланс воды.

Митчелл застонал, прижав руку к своему необъятному животу.

— Вода совсем МУТНАЯ. — Голос Китти звенел от ярости. Она обошла бассейн по кругу, приглядываясь к воде со всех сторон. — Юрген опять напортачил с химической обработкой. — Она топнула босой ногой по горячему камню. — Зачем было пихать во флотатор таблетки хлора?! Теперь концентрация хлорки на глубоком конце превышает все мыслимые пределы.

Митчелл вновь счел своим долгом послать ее куда подальше. Почему бы ей не сделать себе сэндвич с сыром и не заблудиться в лесу? Если бы она дала ему денег, чтобы заправить «мерс», он сам отвез бы ее поглубже в чащу.

— Тебя так легко напугать, Митчелл.

Китти приблизилась к нему двумя длинными грациозными прыжками, словно изображала газель или оленя и дразнила: мол, попробуй-ка на меня поохотиться. Ее ребра выпирали из-под кожи, как скобы мышеловки, которую Митчелл купил, чтобы поймать крысу.

— Хорошо, что Лора такая высокая, да? Когда ты стреляешь в животных, она может смотреть поверх твоей головы и не видеть, как они корчатся, раненые, на земле.

Зажав пальцами нос, Китти прыгнула в мутную воду. Митчелл резко выпрямился в кресле, и у него закружилась голова. На солнце ему всегда становилось плохо. На будущий год он предложит жене снять коттедж на краю ледяного фьорда в Норвегии, подальше от Джейкобса и его сумасшедшего семейства. Будет охотиться на тюленей и охаживать себя березовым веником в бане, а потом выбегать голым на снег и орать дурным голосом, пока Лора оттачивает произношение на йоруба и мечтает об Африке.

— ВОДА СОВЕРШЕННО ПОГАНАЯ.

Что на нее нашло? Поправляя большой зонт от солнца над своей красной лысиной, Митчелл увидел, как Джо ковыляет к задней калитке сада. Нина с красным ведерком и удочкой шла

следом.

— Привет, Джо.

Китти выскочила из бассейна и принялась вытряхивать воду из рыжих локонов. Джо кивнул ей, довольный, что, несмотря на размолвку в кафе, она вроде бы искренне ему рада. Показал на ведро, которое Нина с некоторым усилием затащила на бортик бассейна:

— Смотрите, что мы нашли в реке.

Они все сгрудились вокруг ведра, наполовину заполненного грязной, мутной водой. В воде плавали водоросли, на которых сидело какое-то серое склизкое существо с красной полосой вдоль спины. Существо толщиной с большой палец Митчелла то сворачивалось в тугой шар, то опять распрямлялось. Медленно и печально.

— Что это? — Митчелл искренне не понимал, зачем было вылавливать из реки эту жуть и тащить ее на виллу.

— Это живность, — ухмыльнулся Джо.

Митчелл застонал и попятился.

— Какая гадость!

— Папа всегда находит какую-нибудь мерзопакость.

Нина смотрела поверх плеча Китти, стараясь даже случайно не скользнуть взглядом по ее

голой груди, нависающей над ведром. Ей не хотелось смотреть на голую Китти Финч и на папу, стоящего так близко к ней. Слишком близко. При желании Нина могла сосчитать Киттины позвонки, выпирающие из-под кожи, словно бусины. Китти сознательно морила себя голодом. У нее в комнате повсюду валялась гниющая еда, запрятанная по углам. Нина подумала, что ей приятнее смотреть на комки пережеванной жвачки на лондонской мостовой, чем на папу и Китти Финч.

Китти потянулась за полотенцем. Подхватила его — сплошные корявые пальцы и руки-крюки, — уронила и подхватила опять. В конце концов Джо отобрал у нее полотенце и помог обернуть вокруг талии.

— И все-таки что это? — спросила Китти, глядя в ведро.

— Что-то ползучее и плавучее, — объявил Джо. — На сегодняшний день — моя лучшая находка.

Нина подумала, что это, наверное, сороконожка. У существа было множество крошечных ножек, которые лихорадочно шевелились, ища дополнительную опору.

— Что именно ты хочешь найти, когда идешь

на рыбалку? — Китти понизила голос, будто живность в ведре могла ее услышать. — Ты всегда находишь, что ищешь?

— Что за бред? — фыркнул Митчелл, как школьный учитель, раздраженный тупостью учеников.

— Не смей говорить с ней в таком тоне. — Джо обнял Китти за талию, обхватив двумя руками, и придерживал полотенце с таким усердием, словно от этого зависела его жизнь. — Она спрашивает, почему я не ищу серебряных рыбок и красивые ракушки. Мой ответ: «А чего их искать? Их там есть».

Произнося эту тираду, он накручивал на палец прядь мокрых Киттиных волос. Нина увидела маму и Лору; они входили во двор через главные ворота. Папа быстро отпустил полотенце, Китти густо покраснела. С несчастным видом Нина вглядывалась в траву под кипарисами, притворяясь, что ищет ежика, который — она точно знала — живет в саду. Джо прилег на пластиковый шезлонг. Он взглянул на жену, склонившуюся над ведром. У нее в волосах запутались листья, к ногам прилипли травинки. Она казалась чужой и далекой, словно жила в совершенно другом измерении, где Джо не было и в помине. В ней

появилась какая-то новая сила. Как будто ее решимость его разлюбить придала ей энергии.

Митчелл с опаской разглядывал живность, пытавшуюся заползти вверх по внутренней стенке ведра. Красная полоса у нее на спине идеально сливалась с красным пластмассовым фоном.

— И что ты собираешься делать с этим своим слизняком?

Все посмотрели на Джо.

— Да, — сказал он. — Никому не нравится моя живность. Давайте посадим ее на дерево в саду.

— Нет, — поморщилась Лора. — Оно опять приползет сюда.

— Или заберется в бассейн. — Митчелл по-настоящему взволновался.

Лора поежилась и вдруг закричала:

— Оно выбирается! Уже почти выбралось!

Она подбежала к ведру и набросила на него полотенце.

— Сделай что-нибудь, Джо.

Джо дохромал до ведра, убрал полотенце и щелчком отправил слизняка обратно в воду.

— Он маленький и безобидный на самом деле, — зевнул Джо. — Что он вам сделает?

В его кустистой брови запутался кусочек речных водорослей. Вокруг все затихло. Даже цикады

в высокой траве умолкли. Когда он снова открыл глаза, оказалось, что все, кроме Лоры, ушли в дом. Лору легонько трясло, но ее голос звучал спокойно, даже небрежно.

— Послушай, я знаю, что Изабель пригласила Китти пожить на вилле. — Она на секунду умолкла. — Но тебе вовсе не обязательно это делать. В смысле, зачем? Тебе оно надо? Зачем ты так делаешь?

Джо сжал кулаки, пряча руки в карманах.

— А что я делаю?

Среда

Электрические тела

Юрген и Клод курили гашиш, которым Юрген разжился у аккордеониста на пляже в Ницце. Обычно он покупал дурь у шофера, который развозит уборщиков-иммигрантов по туристическим виллам, но уборщики объявили забастовку. Кроме того, вчера вечером в новостях передали штормовое предупреждение, и деревня всю ночь готовилась к буре. Коттедж, в котором жил Юрген, принадлежал Рите Дуайтер, но стоял пока «без ремонта», и Юрген делал все, чтобы тот таковым и остался. Например, кидал в стены тяжелые предметы в надежде, что дом перейдет в категорию «не подлежащий ремонту» и сохранит в семействе Ритиной недвижимости свое положение недееспособного уродца.

Сейчас Юрген возился с мобильным телефоном Клода. Клод записал на диктофон коровье мычание. Он сам не знал почему, но что-то ему подсказало: так надо. Надо выйти на поле и поднести телефон ко рту ближайшей коровы, подобравшись к ней настолько близко, насколько хватило смелости. Каждый раз, когда Юрген нажимал на кнопку воспроизведения, телефон

громко мычал. Мычание в записи было знакомым, но при этом пугающе странным. Каждый раз, когда в телефоне мычала корова, они оба давились истерическим смехом, потому что корова наступила Клоду на ногу, и теперь у него сходил ноготь на большом пальце.

Мадам Дуайтер велела Юргену ждать ее звонка. Юрген был только рад. Ждать звонка все-таки лучше, чем носиться по вызову постояльцев и менять лампочки на виллах в «прованском стиле», которые он только обслуживает и никогда не сумеет купить. У стены были свалены в кучу плакаты с репродукциями Пикассо, которые он приобрел на блошином рынке. Ему самому больше нравился резиновый инопланетянин, купленный в подарок Клоду. Рита Дуайтер велела ему вставить «Пикассо» в рамки и развесить на стенах — везде, где есть место, — в трех принадлежащих ей виллах, но ему было лень. Гораздо интереснее слушать коровье мычание в мобильнике Клода.

Телефон зазвонил, когда Юрген только начал сворачивать второй косяк. Клод указал пальцем на телефон, валявшийся на полу. Юрген сморщился, ущипнул себя за нос и нехотя взял трубку.

Клоду пришлось зажимать себе рот, чтобы не ржать слишком громко. Юрген не хочет быть сторожем. Мадам Дуайтер вечно выспрашивает его, что у него на уме, но об этом Юрген рассказывает только Клоду и больше никому. У него на уме всегда только одно.

Китти Финч. Если на него надавить, он добавит: секс, наркотики, буддизм как средство достичь единения с жизнью, Китти Финч, категорическое нет прививкам, категорическое нет алкоголю, Китти Финч, чистота тела и духа, лечение травами, слайд-гитара, Китти Финч, стремление стать тем, кого Джек Керуак называл святыми блаженными детьми природы. Клод слушает, как его друг говорит мадам Дуайтер, что да, на вилле все тихо и благостно. Да, знаменитый английский поэт и его близкие наслаждаются отдыхом. Сказать по правде, у них сейчас гостит мадемуазель Финч. Она поселилась в гостевой комнате и очаровала их всех. Да, она держится молодцом, ее душевное равновесие не вызывает сомнений, и она написала стихи и уже показала поэту.

Клод расстегнул джинсы и дал им упасть. Юргену пришлось убрать телефон подальше от уха. Давясь смехом, он изобразил непристойный жест в сторону Клода, который теперь отжимался от

пола в одной футболке и трусах-боксерах «Келвин Кляйн». Сосредоточенно постучав косяком по колену, Юрген возобновил разговор с Ритой Дуайтер. Она звонила ему из Испании, куда сбежала, скрываясь от налогов. Скоро он будет ее называть *сеньорой*.

Да, памятка для отдыхающих обновлена. Да, вода в бассейне чистая. Да, уборщицы хорошо выполняют свою работу. Да, он заменил стекло в разбитом окне. Да, у него самого все прекрасно. Да, период аномальной жары скоро закончится. Да, будут грозы. Да, он смотрел прогноз погоды. Да, он закроет все ставни.

Клод слышал, как голос Риты Дуайтер льется из трубки и растворяется в клубах гашишного дыма. Все в деревне смеялись над богатенькой Ритой, психотерапевтом и владелицей многочисленной недвижимости, которая щедро платила Юргену за работу, к каковой тот был категорически не приспособлен. В деревне шутили, что Рита построила в Западном Лондоне вертолетную площадку специально, чтобы бизнесмены летали к ней на консультации со всеми удобствами. Клиенты сидели в дизайнерских креслах в ее шикарно обставленном кабинете, а их пилоты — как правило, бывшие алкоголики, выгнанные

из коммерческой гражданской авиации, — курили контрабандные сигареты под дождем. Ходили слухи, что один из ее самых богатых клиентов умудрился подставить руку под лопасти винта сразу после того, как она разобралась, почему ему нравится наряжаться в нацистскую форму и хлестать проституток плеткой. Руку пришлось ампутировать, клиент перестал ходить к Рите, и поэтому она не смогла купить коттедж здешнего почтальона.

Когда мадам Дуайтер приезжала с инспекцией — что, к несказанному облегчению Юргена, случалось нечасто, — она всегда приглашала Клода, вылитого Мика Джаггера, на ужин. В последний раз, когда ему привалило такое счастье, она вонзила эрегированный черешок ананаса в мокрый растаявший бри и сказала ему: «Угощайся».

Юрген наконец отложил телефон. Посмотрел на плакаты с Пикассо так, словно хотел их убить. Сказал Клоду, который уже снял футболку и улегся ничком на полу в одних трусах, что ему было велено повесить «Гернику» в коридоре, чтобы закрыть трещину в штукатурке. На доминатрикс Дуайтер явно произвело впечатление, как великий художник передал на холсте свое восприятие человеческого естества. Клод кое-как

сумел встать и поставить в проигрыватель компакт-диск из обширной коллекции Юргена. Диск с надписью «Пражская музыка. Котин сборник для релаксации» валялся на крышке индийской шкатулки для украшений.

Кто-то постучал в дверь. Юрген ненавидел нежданных гостей, потому что они приходили с единственной целью: нагрузить его работой. На этот раз на пороге стояла симпатичная четырнадцатилетняя дочка английского паскуды-поэта. Она была в белой короткой юбке и явно хотела о чем-то его попросить.

— Мама просила узнать, ты уже заказал нам верховую прогулку на завтра?

Он степенно кивнул, как будто только об этом и думал.

— Заходи в гости. Тут Клод.

Когда Юрген сказал: «Тут Клод», компакт-диск то ли заело, то ли в нем что-то сбилось, то ли еще что-то произошло. Нина слышала скрипку, и волчий вой, и женский голос, выдыхавший слова, похожие на «снежный шквал». Она посмотрела на Клода, танцевавшего посреди комнаты в одних трусах. Чтобы не заглядеться на его гладкую загорелую спину, она уставилась в стену.

— Bonjour, Нина. Собаки сожрали мои джинсы

и оставили только трусы. Диск поцарапан, но мне нравится музыка для релаксации.

Она так жалостливо посмотрела, что Клод почувствовал себя раздавленной улиткой, размазанной по веревочной подошве ее красных сандалий. Юрген встал, подбоченясь, и спросил Нину, что она думает о его дредах.

— Значит, по-твоему, мне надо постричься?

— Ага.

— Я сделал такую прическу специально, чтобы отличаться от папеньки.

Юрген рассмеялся, и Клод рассмеялся вместе с ним.

снежный шквал
уносится прочь
в темноту

Юрген сосредоточенно хмурился, пытаясь вспомнить хоть что-то из географии.

— Мое раннее детство прошло в Австрии. Потом был, кажется, Баден-Баден. Папа меня научил рубить лес по старой австрийской традиции. — Он почесал голову. — Наверное, по австрийской. Но точно по старой. Какую ты любишь музыку?

— Моя любимая группа — «Нирвана».

— Ага, тебе нравится Курт Кобейн с его пронзи-

тельными голубыми глазами.

Она рассказала, что этой весной, когда Курт застрелился, построила у себя в комнате маленькое святилище. Пятого апреля, если точнее, но тело нашли только восьмого. В тот день она с утра до ночи слушала его альбом «In Utero».

Юрген качнул дредами, склонив голову набок.

— Твой папа уже прочитал стихотворение Китти-Коти?

— Нет. Я сама собираюсь его прочитать.

Клод с важным видом подошел к холодильнику.

— Хорошая мысль. Хочешь пива?

Она пожала плечами. Клод так отчаянно стремился ей угодить, что это было по-настоящему трогательно и немного смешно. Клод расценил ее жест как благосклонное «Да».

— Я хожу к Юргену со своим пивом, потому что он пьет только морковный сок.

Юрген услышал, как к дому подкатил мотоцикл. Это приехал его друг Жан-Поль, который всегда отчислял Юргену небольшую комиссию за каждый заказ верховой прогулки. Жан-Поль не держал лошадей, только пони, так что прогулка получится не совсем конной, но у пони все равно есть копыта, и гривы, и симпатичные хвосты.

Когда Юрген вышел на улицу, чтобы провернуть дельце с Жаном-Полем, Клод схватил свою футболку и кое-как натянул на себя.

Нина смотрела куда угодно, только не на него. Она села на пол, прислонившись спиной к стене. Клод вручил ей бутылку пива и присел рядом. Так близко, что их бедра почти соприкасались.

— Как тебе отдыхается?

Нина отпила кисловатого пива.

— Нормально.

— Зайдешь ко мне в кафе? Я тебе покажу малыша-инопланетянина, который живет у меня в кухне.

О чем он говорил? Она придвинулась еще ближе к его плечу — все получилось само собой — и повернулась к нему лицом. Ее взгляд говорил: «Можешь поцеловать меня, да, поцелуй меня», — и в первый миг Клод не понял. Или понял, но был не уверен, что понял правильно. Она по-прежнему держала в руке бутылку с пивом и, не зная, куда ее деть, просто поставила на пол.

уносится прочь
в темный
лес

Его теплые губы прижались к ее губам. Она

целовалась с Миком Джаггером, и он вгрызался в нее, словно волк или какой-то другой дикий зверь, ненасытный, свирепый, но нежный и уж точно не равнодушный. Он шептал, что она для него — целый мир. Она придвинулась к нему еще ближе, и он перестал говорить.

в темный
лес
где деревья
сочатся кровью
под снегом

Нина приоткрыла глаза и тут же закрыла их снова, когда поняла, что его глаза тоже закрыты. Хлопнула дверь. Юрген встал посреди комнаты и прищурился, глядя на них.

— В общем, я договорился насчет завтрашней конной прогулки.

Пространство сгустилось в поцелуйной коме. Все окрасилось темно-красным. Юрген стоял, подбоченясь, и жаркие флюиды текли прямо сквозь треугольники, обрисованные его согнутыми локтями.

— Пожалуйста, я тебя очень прошу, прочитай Котино стихотворение, и тогда, может быть, ты подскажешь мне путь к ее сердцу.

Четверг

Сюжет

Нина открыла дверь родительской спальни и вошла внутрь, скользя по плиточному полу в носках, как на коньках. Несмотря на жару, она надела носки, потому что ее укусила пчела и у нее распухла стопа. Чтобы набраться смелости для исполнения задуманного, она целый час красила глаза Киттиными синими тенями для век. Когда она глянула на себя в зеркало, в ее карих глазах блестела уверенность. Из окна рядом с кроватью было видно, как мама с Лорой беседуют у бассейна. Папа уехал в Ниццу осматривать русскую православную церковь, а Китти Финч, как обычно, куда-то умчалась с Юргеном. Нина даже знала куда. Сегодня они собирались набрать на полях коровьего навоза, чтобы удобрить маленький огород, который Китти разбила во дворе у Юргена и, как она говорила, «взяла над ним шефство на лето». Никто не мог понять, почему Китти не поселилась с Юргеном в его коттедже в двух шагах от виллы, но Нинина мама предположила, что Китти, наверное, не так сильно запала на Юргена, как он запал на нее. Из кухни доносились глухие удары. Митчелл завернул в

кухонное полотенце плитку горького шоколада и радостно колошматил по ней молотком. Хотя на улице было жарко, в родительской спальне Нина мерзла, словно и вправду пришла на каток. Она знала, как выглядит конверт, но его нигде не было видно. Надо было взять фонарик, потому что нельзя включать свет и привлекать внимание. Нина решила, что, если кто-то войдет, она спрячется в ванной. На тумбочке с маминой стороны кровати лежал большой кусок медовых сот, наполовину завернутый в газету. Очевидно, раньше он был обвязан кусочком зеленой веревки, лежавшей рядом. Нина подошла поближе и увидела, что это подарок от папы, потому что он написал черной чернильной ручкой через всю газетную страницу:

Моей сладчайшей со всей любовью, как всегда, Йозеф.

Нина нахмурилась, глядя на соты, сочившиеся золотистым медом. Если ее родители все-таки любят друг друга, это разрушит историю, которую Нина собрала воедино у себя в голове. Каждый раз, думая о родителях (а она о них думала постоянно), Нина пыталась сложить цельный сюжет из разрозненных кусочков. Что за сюжет? У папы нежные руки, и вчера эти руки жадно шарили по

телу мамы. Нина видела, как они целовались в коридоре — словно сцена из фильма, — целовались, вжимаясь друг в друга, и мотыльки бились о лампочку у них над головой. Что касается Нины, ей всегда представлялось, что родители трагически не выносят друг друга и любят только ее. Согласно сюжету, выстроенному у нее в голове, ее мама бросила единственную дочь и уехала обниматься с сиротами в Румынии. Как ни прискорбно (кругом сплошная трагедия), Нина заняла в их семье место мамы и стала ближайшим товарищем и компаньоном собственному отцу, всегда угадывая его нужды и настроения. Но все начало распадаться, когда мама спросила, не хочет ли Нина съездить с ней в ресторан на морском берегу, где подают мороженое с бенгальскими огнями. Кроме того, если родители вчера целовались (простыни на их незаправленной постели были изрядно помяты) и если они понимают друг друга на уровне, где для нее самой просто нет места, тогда весь сюжет рассыпается в прах.

Всего минут через шесть лихорадочных поисков Нина все же нашла конверт со стихотворением Китти внутри. Замучившись перебирать папины тщательно выглаженные шелковые рубашки и носовые платки, она встала на чет-

вереньки и заглянула под кровать. Вот тогда-то она и увидела конверт, лежавший на пыльном полу в компании папиных тапочек и двух дохлых тараканов. Нина легла на живот и выудила конверт. Там, под кроватью, было что-то еще, но Нина не стала вникать, а то времени и так оставалось мало.

Окно, выходившее на бассейн, могло стать проблемой. Мама сидела на ступеньках на мелкой стороне и ела яблоко. Нине было слышно, как мама спросила у Лоры, зачем та учит йоруба, и Лора сказала:

— Почему бы и нет? На нем говорит больше двадцати миллионов человек.

Сидя скорчившись на полу, чтобы ее не было видно снаружи, Нина открыла конверт. Он оказался пустым. Она заглянула внутрь. Листок бумаги, сложенный в несколько раз до размеров спичечного коробка, застрял в самом низу конверта, как старый башмак — в речном иле. Нина достала листок и бережно развернула.

ЗАПЛЫВ ДОМОЙ

КИТТИ ФИНЧ

Прочитав стихотворение, Нина не стала скла-

дывать лист замысловатыми квадратиками. Она просто засунула его в конверт и запихнула обратно под кровать, к пыли и тараканам. Почему папа не удосужился прочитать Киттино стихотворение? Ему сразу стало бы ясно, что творится в голове Китти.

Нина вышла в гостиную, где двери во двор были распахнуты настежь, и высунулась наружу.

Мама сидела на бортике, опустив ноги в теплую воду, и смеялась. Нина нахмурилась, потому что нечасто слышала мамин смех. В кухне Митчелл жарил печенку. Приступая к готовке, он надел самую яркую гавайку.

— Привет, — сказал он, увидев Нину. — Пришла за чем-нибудь вкусненьким?

Нина встала, прислонившись спиной к холодильнику, и скрестила руки на груди.

— Что ты сделала с глазами? — Митчелл прищурился, разглядывая блестящие синие тени, лежащие густым слоем на Нининых веках. — У тебя, что ли, все лампочки перегорели?

Нина сделала глубокий вдох, чтобы не закричать.

— Мне кажется, Китти собирается утопиться в нашем бассейне.

— О боже, — Митчелл поморщился. — С чего

бы вдруг?

— Мне так показалось.

Она не хотела говорить, что тайком вскрыла конверт, предназначавшийся ее отцу. Митчелл включил миксер и принялся сосредоточенно наблюдать, как каштаны и сахар превращаются во взвихренную пасту, брызги которой летят прямо на пальмы у него на рубашке.

— Если бросить тебя в бассейн, ты спокойно удержишься на поверхности. Даже я с моим пузом и то удержусь на поверхности.

Из-за рева ему приходилось кричать. Нина дождалась, когда Митчелл выключит миксер, и прошептала:

— Да. Но она собирала камни. Я была с ней на пляже и видела.

И рассказала, что Китти сама говорила, что изучает стоки бассейна. Китти вообще говорит странные вещи, например: «Как-то не хочется, чтобы волосы затянуло в трубу».

Митчелл смотрел на четырнадцатилетнюю девочку с отеческой нежностью и теплотой. Он вдруг осознал, что она ревнует Китти к отцу и, возможно, мечтает, чтобы та утонула. Девочке не хватает папиного внимания.

— Выше нос, Нина. Хочешь облизать ложку от

каштанового пюре? Я смешаю его с шоколадом. — Он облизал пальцы. — И отложу пару кусочков для крысы. Будет ей ночью знатная приманка.

Она знала страшную тайну, которую больше никто не знал. И эта тайна была не единственной, есть и другие. Вчера, когда Нина сидела в комнате у Китти и помогала вынимать семена из растений, в саду запела птица. Китти Финч закрыла лицо руками и разрыдалась так горько, словно грядет конец света и завтра уже никогда не наступит.

Надо поговорить с папой, но тот сейчас в Ницце, поехал в какую-то русскую православную церковь, хотя сам говорил не раз, что, если ее вдруг потянет поверить в бога, надо срочно бежать к врачу и лечиться от нервного срыва. И есть еще кое-что, что ее беспокоит. Та штуковина под кроватью в родительской спальне. Но сейчас не хотелось об этом думать, потому что оно как-то связано с Митчеллом, да и мама уже позвала ее собираться на конную прогулку.

Верхом на пони

Пони пили воду из корытца в тенечке. Мухи ползали по их раздувшимся животам и коротким ногам, норовили забраться в глаза, всегда влажные и печальные. Наблюдая, как хозяйка конюшни расчесывает им хвосты, Нина решила, что скажет маме о Киттином утопительном стихотворении, как она теперь его про себя называла. Китти беседовала по-французски с хозяйкой конюшни и не походила на человека, собирающегося свести счеты с жизнью. На ней было коротенькое голубое платье, а в волосах запутались белые перышки, словно ночью у нее взорвалась подушка.

— Нужно идти по маршруту. Он обозначен оранжевыми пластиковыми пакетами, привязанными к веткам деревьев. Она говорит, нужно идти, ориентируясь на оранжевые пакеты. Нина поедет верхом, а мы пойдем с двух сторон от пони.

Нине, которой хотелось остаться наедине с мамой, пришлось выбирать себе пони — серого, с длинными шелудивыми ушами — и притворяться счастливым ребенком, не знающим взрослых

забот и печалей.

Маленький пони был явно не в настроении целый час гулять с седоком на спине. Каждые две-три минуты он останавливался, щипал травку, терся мордой о стволы деревьев. Нина теряла терпение. Она размышляла о важных вещах, и не в последнюю очередь — о камнях, которые они с Китти собирали на пляже, потому что эти камни были в стихотворении. Она видела слова «камни, чтобы скорее утонуть», подчеркнутые жирной линией на середине страницы.

Нина заметила, что ее мама вдруг начала обращать внимание на окружающую действительность. Когда Китти рассказывала о деревьях и травах, Изабель просила ее повторить названия. Китти сказала, что в сильную жару некоторым насекомым нужно пить больше нектара. Знает ли Изабель, что мед — это просто нектар и пчелиная слюна? Пчела пьет нектар, смешивает его со слюной и складирует в медовом зобике. Прилетев в улей, она отрыгивает содержимое медового зобика и отправляется за новой порцией нектара. Китти беспечно болтала, словно все они были одной дружной семьей, и двумя пальцами придерживала веревку, прикрепленную к уздечке. Нина молча сидела на пони, угрюмо глядя на

трещинки синего неба, видимые сквозь просветы в сплетении ветвей. Если перевернуть небо вверх дном, пони придется плыть сквозь облака и водяной пар. Небо станет травой. Жуки будут ползать по небу. Кажется, они сбились с маршрута, потому что оранжевых пластиковых пакетов, привязанных к веткам деревьев, нигде не было видно. Они вышли из соснового леса на поляну рядом с кафе. Кафе расположилось на берегу озера. Нина озиралась по сторонам, высматривала оранжевые пятна в ветвях. Она уже поняла, что они заблудились, но Китти это не волновало. Она помахала кому-то рукой, пытаясь привлечь внимание старухи, в одиночестве сидевшей за столиком на открытой веранде кафе.

— Это доктор Шеридан. Надо подойти засвидетельствовать почтение.

Китти повела пони к веранде, поднялась вместе с ним по трем невысоким бетонным ступенькам и направилась прямиком к Маделин Шеридан, которая сняла очки и положила их на белый пластиковый столик рядом с книгой.

Нина так и сидела верхом на пони, которого Китти провела мимо опешившей официантки, несшей поднос с оранжиной семейству за соседним столиком. Маделин Шеридан застыла, не

донеся кусок сахара до чашки с кофе. Как будто картина, представшая ее глазам: стройная молодая женщина в коротком голубом платье с рыжими волосами, змеящимися по спине, ведет серого пони по веранде кафе — была зрелищем, на которое можно смотреть только искоса. Никто ничего не сказал, никто не вмешался, потому что никто толком не понимал, что происходит. Нина вспомнила тот день, когда она наблюдала солнечное затмение сквозь дырочку в цветной бумаге, чтобы солнце ее не ослепило.

— Как поживаете, доктор?

Китти дернула за веревку и дала пони кусочек сахара.

По-прежнему держа веревку одной рукой, другой она приобняла старуху за плечи.

Когда Маделин Шеридан наконец обрела голос, тот оказался спокойным и властным. Красная шаль у нее на плечах напоминала плащ матадора с помпонами по краю.

— Держись маршрута, Китти. Сюда нельзя приводить пони.

— Маршрут потерялся. Держаться не за что, — улыбнулась Китти. — Я все еще жду, когда ты принесешь мои туфли, как обещала. Медсестры ругались, что у меня грязные ноги.

Нина взглянула на маму, которая теперь стояла с левой стороны от пони. Руки Китти дрожали, ее голос звучал слишком громко.

— Странно, что ты не поведала своим новым друзьям, что ты со мной сотворила. — Обернувшись к \Изабель, Китти прошептала, подражая героиням фильмов ужасов: — Доктор Шеридан считает, что у меня нездоровые склонности.

К ужасу Нины, ее мама расхохоталась, словно Китти сказала что-то смешное.

Официантка принесла тарелку с сосисками и зеленой фасолью и грохнула ее на стол перед Маделин Шеридан, пробормотав по-французски, что в кафе с пони нельзя.

Китти подмигнула Нине. Сперва левым глазом, потом — правым.

— Здешние официанты не привыкли, что пони приходят на завтрак.

Как по команде, пони принялся облизывать сосиски на тарелке, и детишки за соседним столиком рассмеялись.

Китти отпила кофе из нетронутой чашки Маделин Шеридан. Ее глаза уже не мигали, они как будто остекленели.

— На самом деле… — Костяшки Киттиных пальцев вдруг побелели от того, что она еще крепче

сжала веревку, которая должна была удержать пони на заданном маршруте. — Она упрятала меня в психушку. — Китти вытерла рот тыльной стороной ладони. — Я ЕЕ СМУТИЛА, И ОНА ВЫЗВАЛА «СКОРУЮ».

Китти взяла со стола нож, острый нож, и взмахнула им прямо у горла Маделин. Все дети в кафе, включая Нину, закричали. Она слышала напряженный, глухой голос старухи, объяснявший маме, что Китти больна и непредсказуема. Китти трясла головой и орала на Маделин:

— Ты сказала, что привезешь мне одежду! Я тебя ждала! Ты меня ОБМАНУЛА! Я думала, что ты хорошая, добрая женщина, но из-за тебя меня пытали электрошоком! ТРИ РАЗА! Они хотели сбрить мне ВОЛОСЫ!

Кончик ножа завис в сантиметре от жемчужного ожерелья на шее Маделин Шеридан.

— Я хочу домой! — крикнула Нина маме, пытаясь удержать равновесие на пони, который резко дернулся вперед, пытаясь дотянуться до сахарницы на столе.

Изабель бросилась расстегивать пряжки на стременах, чтобы Нина могла слезть с пони. Официантка ей помогала. Нина перебросила ногу через седло, но не решилась спрыгнуть на пол,

потому что пони вдруг встал на дыбы.

Кто-то из посетителей кафе уже звонил парковому смотрителю.

— ОНИ ВЫЖИГАЛИ МНЕ МЫСЛИ, ЧТОБЫ ИХ РАЗОГНАТЬ!

Китти нависла над Маделин Шеридан, размахивая ножом перед ее ошеломленным, застывшим лицом. Два белых перышка, застрявшие в Киттиных волосах, сорвались и упали на Нину, которая так и сидела боком в седле, не решаясь спуститься.

— Врачи ПОДГЛЯДЫВАЛИ за мной через глазок. Меня насильно кормили МЯСОМ. Я хотела намазать лицо кремом, но у меня БОЛЕЛИ ЧЕЛЮСТИ после электрошока. Я лучше УМРУ, чем пройду через такое еще раз.

Нина услышала собственный голос словно издалека:

— Китти собирается утопиться.

Никто ее не услышал. Как будто слова падали в пустоту. Она говорила о важных вещах, но, кажется, недостаточно важных.

— Кэтрин собирается утопиться.

Даже самой Нине казалось, что слова прозвучали не громче шепота, но старуха, похоже, услышала. Мама как-то сумела отобрать у Кит-

ти нож, и дрожащий голос Маделин Шеридан произнес:

— Я позвоню в полицию. Я позвоню ее матери. Позвоню прямо сейчас.

Голос резко умолк, потому что рядом со столиком неожиданно возник Юрген.

Как будто Китти его наколдовала или мысленно призвала. Юрген что-то втолковывал обескураженному парковому смотрителю, который качал головой:

— У меня есть свидетели.

Помпоны на красном матадорском плаще Маделин Шеридан подскакивали вверх-вниз, словно те самые свидетели, рвущиеся скорее дать показания.

Китти вцепилась в руку Юргена:

— Не слушайте доктора Шеридан. У нее на меня пунктик. Не знаю почему, но так и есть. Спросите у Юргена.

Глаза Юргена сонно моргнули за круглыми стеклами очков.

— Пойдем, Китти-Котя, я отвезу тебя домой. — Он что-то сказал Маделин Шеридан по-французски и обнял Китти за талию. Он говорил очень тихо, но все равно было слышно, как он шепчет ей на ухо: — Забудь, Китти-Котя, забудь. Мы все

больны от загрязнения воздуха. Нам надо лечиться природными средствами.

Глаза Маделин Шеридан полыхали, как угли. Как сердитые синие угли. Она собиралась звонить в полицию. Это было нападение. Вооруженное нападение. Маделин была похожа на матадора, которого бык поддел на рога. Парковый смотритель нервно перебирал связку ключей, прикрепленную к поясу. Ключи были разве что чуточку меньше его самого. Он спрашивал, где проживает молодая особа. По какому адресу? Если мадам хочет, чтобы он позвонил в полицию, им потребуются эти сведения. Изабель объяснила, что Китти приехала пять дней назад, ей негде было остановиться и они предложили ей комнату на вилле, которую сняли на лето.

Смотритель нахмурился и постучал крошечным пальчиком по ключам:

— Но ведь вы должны были задать ей вопросы?

Изабель кивнула. Они задавали вопросы. Йозеф спросил у нее, что такое лист. И семядоля.

— Думаю, нет нужды обращаться в полицию. Это частные разногласия. Мадам в потрясении, но она нисколько не пострадала.

Ее голос звучал нежно, и в нем проскальзывал

легкий уэльский акцент.

Смотритель с досадой всплеснул руками:

— Молодая особа не могла появиться из ниоткуда. Откуда-то она должна была взяться. — Он на секунду отвлекся и кивнул двум рабочим в грязных ботинках, которые, кажется, ждали его разрешения, чтобы распилить ствол упавшего дерева циркулярной пилой.

— Да, — резко проговорила Маделин Шеридан, — из клиники в Кенте, в Великобритании. — Она провела кончиком пальца по жемчужному ожерелью у себя на шее и обратилась к Изабель Джейкобс: — Как я понимаю, твой муж завтра ведет ее на коктейль в «Негреско».

Пятница

По дороге куда?

Люди на улицах оборачивались и смотрели на нее. Останавливались и смотрели на сияющую молодую женщину в зеленом шелковом платье, которая словно ступала по воздуху. Ремешок белой туфли на ее левой ноге расстегнулся, будто пытаясь помочь женщине подняться над разбросанными по тротуару окурками и обертками от шоколадок. Китти Финч с ее роскошными медно-рыжими локонами, собранными в шиньон, была почти одного роста с Джо Джейкобсом. Они шли по Английской набережной, залитой серебристым предвечерним светом, и чайки сыпались снегом на крыши Ниццы. Китти надела на плечи накидку из белых перьев, завязав атласные ленты на шее небрежным свободным узлом. Перья подрагивали на ветру, дувшем с моря, и в какой-то момент Джо заметил, что Средиземное море было точно такого же цвета, как блестящие синие тени на веках Китти.

Впереди уже показался розовый купол отеля «Негреско». Джо подготовился к сегодняшнему свиданию: надел костюм в тонкую полоску и даже открыл новый флакон туалетной воды, присла-

ной из Цюриха. Его парфюмерша — последний алхимик, живущий в двадцатом веке, — утверждала, что верхние ноты не играют особой роли, а базовые проявятся в полной мере, когда он вспотеет. Китти взяла его под руку, ее обожженная солнцем рука напоминала красную полосу на спине сороконожки, которую Джо выловил из реки. Она не сказала ему о встрече с Маделин Шеридан (они с Юргеном уже все обсудили), а он не сказал ей, как вдруг с удивлением обнаружил себя стоящим на коленях в русской православной церкви, где он сначала зажег одну свечку, а потом и вторую. Напряженное ожидание новой встречи друг с другом заставило обоих совершать поступки, непонятные им самим.

Когда они подошли к отделанному мрамором входу, швейцар в алой ливрее и белых перчатках почтительно распахнул перед ними дверь с золотой надписью «НЕГРЕСКО» на стекле. Перья Киттиной накидки развевались у нее за спиной, как крылья лебедя, из которых их выщипали. Она не вошла, а вплыла в тускло освещенный бар с выцветшими гобеленами на стенах и антикварными креслами, обтянутыми красным бархатом.

— Видишь портреты аристократов?

Джо обвел взглядом портреты напыщенных

бледных вельмож, которые восседали в обтянутых гобеленовой тканью креслах, стоящих в студеных мраморных комнатах.

— Моя мама чистит их столовое серебро и стирает их трусы.

— Твоя мама уборщица?

— Да. Раньше она убиралась на вилле Риты Дуайтер. Поэтому мне иногда разрешают пожить там бесплатно.

Это признание заставило ее покраснеть, но ему было что сказать в ответ.

— Моя мама тоже была уборщицей. Я воровал куриные яйца и приносил их домой в карманах.

Они сели за столик бок о бок. Белые перья ее накидки всколыхнулись, когда он прошептал:

— Смотри, нам оставили записку. Наверное, от Марии-Антуанетты.

Китти взяла белую карточку, прислоненную к вазе с цветами.

— Здесь написано, что коктейль месяца — шампанское с Crème de Fraise des Bois, что бы это ни значило.

Джо серьезно кивнул, словно это была жизненно важная информация.

— После революции каждому гражданину положен коктейль месяца. Давай закажем, по-

пробуем?

Китти радостно закивала.

Официант уже подошел к их столику и принял у Джо заказ с таким воодушевлением, словно тот сделал ему величайшее одолжение. В дальнем углу бара скучающий музыкант в заляпанном белом смокинге наигрывал на пианино «Элинор Ригби». Китти сидела, положив ногу на ногу, и ждала, когда он заговорит о ее стихотворении. Вчера ночью она увидела кое-что, что ее напугало, и ей хотелось рассказать об этом. Мальчик опять приходил и стоял рядом с ее кроватью. Он отчаянно махал руками, словно просил о помощи, у него в кармане лежали два куриных яйца. Он пробрался к ней в голову. Теперь она завешивает зеркала, на случай, если он снова появится. Она спрятала руки под сумочкой у себя на коленях, чтобы он не видел, как они дрожат.

— Расскажи о своей маме. Вы с ней похожи?

— Нет, у нее ожирение. Она одна как четыре меня.

— Ты говорила, что знаешь владелицу виллы?

— Да. Риту Дуайтер.

— Расскажи мне о Рите и ее парке недвижимости и боли.

Меньше всего ей хотелось говорить о работо-

дательнице матери. Это было обидно и больно: безразличие к конверту, который она просунула под дверь его спальни. Он постоянно переводил разговор на другое. Она сделала глубокий вдох и почуяла ноту клевера в аромате его туалетной воды.

— У Риты столько недвижимого имущества, что ей пришлось бежать от налогов в Испанию. Это значит, что она теперь может приехать в Великобританию только на несколько дней в году. Мама сказала ей, что она как преступница в бегах, а Рита обиделась и заявила, что ее психолог советует ей принять свою жадность.

Он рассмеялся и запустил пальцы в вазочку с орехами на столе.

Потом они чокнулись и отпили по первому глотку коктейля месяца.

— Китти, какое у тебя любимое стихотворение?

— Из моих или из чьих-то еще?

Он уже должен был догадаться, что он — ее самый любимый поэт. Собственно, поэтому она и приехала. Его слова — в ее сердце. Она поняла их еще прежде, чем прочитала. Но он делает вид, будто не понимает. Он всегда бодр и весел. Так чудовищно весел, что это вызывает тревогу.

— Я имею в виду, ты любишь Уолта Уитмена, или Байрона, или Китса, или Сильвию Плат?

— А, да. — Она отпила еще глоток. — Мое любимое стихотворение — стихотворение Аполлинера. Оно вне конкуренции.

— Какое именно?

Она придвинулась ближе к нему вместе с креслом и схватила перьевую ручку, которую он всегда носит, как микрофон, в нагрудном кармане рубашки.

— Дай мне руку.

Он положил руку ей на колено, оставив на тонком зеленом шелке потный отпечаток ладони. Она воткнула кончик пера ему в кожу так резко, что он подскочил в кресле. Она была на удивление сильной для такой хрупкой женщины и держала так крепко, что он не мог — или не хотел — вырвать руку. Она делала ему больно его же ручкой, выводя на коже татуировку из черных букв:

И
Д
Е
Т
Д
О

Ж
Д
Ь

Он уставился на свою саднящую руку.

— Почему именно это стихотворение?

Она поднесла бокал к губам и облизала стенки изнутри, собирая языком последние капли клубничной гущи.

— Потому что дождь идет всегда.

— Правда?

— Да. Ты и сам знаешь.

— Да?

— Когда тебе грустно, всегда идет дождь.

Он представил себе Китти Финч под бесконечным дождем, как она вышагивает под дождем, спит под дождем, ходит по магазинам, плавает в бассейне, собирает растения под дождем. Интригующий образ. Его рука так и осталась лежать на ее колене. Она не закрыла ручку колпачком. Он хотел потребовать ручку назад, но вместо этого предложил Китти еще один коктейль. Она сидела вся в своих мыслях. Сидела, выпрямив спину, в красном бархатном кресле и держала в руке его ручку. Кончик золотого пера смотрел в потолок. Мелкие капельки пота на шее Китти поблескивали, как бриллианты. Он подошел к бару, положил

локти на стойку. Может быть, упросить здешних служителей, чтобы его отвезли домой? Нет, невозможно. Невозможно заигрывать с катастрофой, когда она уже произошла. Происходит прямо сейчас. Происходила и раньше, и происходит опять. Но он будет бороться, будет стоять до конца. Он смотрел на черный чернильный дождь, которым Китти разметила его руку, и думал, что она вызвала этот дождь, чтобы размягчить его решимость бороться. Она была умной. Она знала, что делает дождь. Размягчает все твердое. Он смотрел, как она роется в сумочке, что-то ищет. Теперь у нее в руках была книга, один из его сборников, и она что-то подчеркивала на странице его перьевой ручкой. Возможно, она была выдающимся писателем. Раньше он об этом не думал. Но теперь вдруг подумал.

Джо заказал еще два коктейля месяца. Бармен сказал месье, что сам принесет их, когда они будут готовы, но Джо пока не хотелось возвращаться за столик. Китти хорошо разбиралась в поэзии. Для ботаника — даже слишком хорошо. Почему он ей не сказал, что прочел ее стихотворение? Что его остановило? Надо ли безоговорочно доверять чутью, которое подсказывало: ей не следует знать, что он разглядел угрозу, спрятанную в ее строках?

Он вернулся за столик с двумя бокалами. На этот раз Джо выпил клубничное шампанское залпом, словно это была пинта эля. Наклонился к ней и поцеловал в губы, влажные от шампанского. Она не противилась, и он поцеловал ее снова, его черные с серебряной проседью волосы сплелись с ее медно-рыжими локонами. Ее бледные ресницы, зачерненные тушью, трепетали, щекоча ему щеку. Он положил ладонь ей на шею и почувствовал, как зеленые ногти впиваются ему в колено.

— Мы целуемся под дождем. — Ее голос был одновременно мягким и твердым. Как обитое бархатом кресло. Как черный дождь из чернильных букв у него на руке.

Она шла, крепко зажмурившись. Он вывел ее за руку под тяжелую хрустальную люстру в фойе. У нее кружилась голова, она просила воды. Она услышала, как он спросил у портье-итальянца, есть ли в отеле свободные номера. Она открыла глаза. Холеный итальянец что-то набрал на компьютере. Да, есть один свободный номер. Только он обставлен в стиле Людовика Шестнадцатого, а не в стиле ар-деко, и без вида на море. Джо протянул ему кредитную карту. Коридорный проводил их в лифт, отделанный зеркалами. Коридорный был в белых перчатках. Он нажал на кнопку нуж-

ного этажа. Она смотрела на многочисленные отражения влажной руки Джо, обнимавшей ее за талию. Ее зеленое шелковое платье легонько дрожало, пока они поднимались на третий этаж в бесшумном лифте, пахнущем дорогой натуральной кожей.

Метафоры

Маделин Шеридан официально пригласила Изабель в Розовый дом. Вручила ей бокал хереса и предложила устраиваться поудобнее на маленьком неудобном диванчике. Сама Маделин села в кресло напротив жены-журналистки и потихоньку выудила из своего бокала с виски несколько длинных серебряных волосков. Ее глаза были мутными, как вода в бассейне, на которую Китти Финч жаловалась Юргену. Маделин уже не сомневалась, что постепенно теряет зрение, и это придало ей еще больше решимости помочь Изабель Джейкобс увидеть все в истинном свете. Помочь понять, что, когда тебе угрожают ножом, это очень серьезно; как ни странно, она тогда явственно ощутила резкую боль, полоснувшую ее по горлу, хотя Китти Финч даже не прикоснулась ножом к коже. Она говорила не как Маделин, пожилая соседка, а как доктор Шеридан. Сообщила, что уже позвонила матери Китти, и та приедет сюда в воскресенье, совсем рано утром. Миссис Финч приедет из аэропорта прямо на виллу и заберет дочь домой. Изабель сосредоточенно разглядывала свои босоножки.

— Кажется, Маделин, ты уверена, что она очень серьезно больна.

— Да. Конечно, она больна.

Каждый раз, когда Изабель говорила, Маделин Шеридан казалось, что она слушает диктора новостей. Маделин, считавшая своим долгом помочь эксцентричному семейству Джейкобсов увидеть вещи в их истинном свете, пребывала в полной боевой готовности.

— Жизнь надо строить, ее надо делать, а ей не хочется ничего делать. Ты же слышала, что сказала Нина.

Изабель отпила херес.

— Но, Маделин… это всего лишь стихотворение.

Доктор Шеридан вздохнула:

— У нее всегда были нелады с головой. Но какая красавица, да?

— Да, она очень красивая. — Изабель услышала собственный голос словно издалека. Голос прозвучал натянуто, и неловко, и даже как будто слегка испуганно.

— Позволь спросить, Изабель… зачем ты впустила в дом незнакомку?

Изабель пожала плечами, словно ответ был вполне очевиден.

— Ей было негде остановиться, а у нас много места. Больше, чем необходимо. В смысле, кому нужно пять ванных комнат, Маделин?

Маделин Шеридан смотрела на Изабель Джейкобс, словно пытаясь увидеть насквозь, но получалось только смазанное пятно. Ее губы беззвучно шевелились. Маделин говорила сама с собой по-французски, потому что вещи, о которых она размышляла, было бы затруднительно выразить на английском. Мысли тяжело бились о губы, точно о стену: Кы, Кы, Кы — будто она и вправду была одержима Китти Финч, которая по непонятным причинам совершенно очаровала Юргена и всех остальных и теперь беспрепятственно манипулировала людьми и плела интриги. Последние три недели Маделин наблюдала за семейством Джейкобсов с лучшего места в зрительном зале, со своего затененного балкона. Изабель Джейкобс сама подтолкнула Китти Финч в объятия своего несуразного мужа, но это был глупый, безрассудный риск, потому что она могла потерять дочь. Да. Если муж Изабель соблазнит сумасшедшую девочку, вернуться к прежней, нормальной жизни уже не получится. Изабель придется уйти от мужа. Нине Джейкобс придется выбрать кого-то одного из родителей, с кем она

будет жить. Неужели Изабель не понимает, что ее дочка уже давно приспособилась к жизни без матери? Маделин Шеридан попыталась сомкнуть губы, потому что они выговаривали неприятные вещи. Она с трудом различала силуэт Изабель на диванчике. Шевелится, кладет ногу на ногу. Меняет ноги. На улице такое пекло, что в доме пришлось включить кондиционер. Древний агрегат гудел и стонал у нее над головой. Маделин чувствовала (хотя и не видела), что Изабель — сильная женщина. В медицинском институте Маделин повидала немало женщин, учившихся на кардиологов, гинекологов и онкологов, специализирующихся на раке костей. Потом они выходили замуж, рожали детей, и с ними что-то происходило. Их одолевала усталость. Всех до единой. Маделин Шеридан хотелось, чтобы эта яркая, ухоженная, загадочная женщина, сидящая в ее гостиной, потускнела бы, сгорбилась от утомления, сделалась уязвимой, проявила хотя бы какую-то слабость. Маделин хотелось, чтобы Изабель в ней нуждалась и, самое главное, чтобы она оценила, что кто-то пытается ей помочь.

Но вместо этого обманутая жена накрутила на палец прядь длинных черных волос и попросила подлить ей хереса. Почти кокетливо.

— Ты давно вышла на пенсию, Маделин? Я часто брала интервью у врачей, работавших в самых тяжелых условиях. Без инструментов, без света, иногда даже без медикаментов.

У Маделин Шеридан болело горло. Она наклонилась к женщине, которую пыталась сломить, сделала судорожный вдох и замерла в ожидании, когда придут слова: что-нибудь о работе до ухода на пенсию, о том, как непросто было убедить малообеспеченных пациентов бросить курить.

— Сегодня у меня день рождения.

Ей самой не понравилось, как прозвучал ее голос — тонко, почти умоляюще, — но теперь уже поздно что-то менять. Если бы можно было повернуть время вспять и сказать это снова, фраза вышла бы легкой, беспечной, с намеком на изумление, что она до сих пор жива. Кажется, Изабель искренне растерялась.

— Поздравляю! Знала бы — принесла шампанского.

— Да. Спасибо. — Маделин Шеридан вновь взяла тон заносчивой англичанки из состоятельного среднего класса. — Кто-то забрался в мой сад. Украл мои розы. И я, разумеется, знаю, что Китти Финч на меня очень зла.

Эксцентричная жена поэта принялась объ-

яснять, что кража роз в чьем-то саду — еще не показатель безумия и, во всяком случае, уже поздно и ей хочется пожелать дочке спокойной ночи. В небе за окном стояла полная луна. Что она делает, жена поэта? Она подошла к Маделин. Подошла совсем близко. Маделин чувствовала запах меда.

Изабель Джейкобс еще раз поздравила ее с днем рождения и приложилась теплыми губами к ее щеке. Поцелуй был таким же болезненным, как саднящее горло.

Иностранные языки

Нина спала, но ей снилось, что она не спит, а идет в гостевую комнату, где на кровати лежит Китти Финч. Китти Финч с распухшим лицом и разбитыми губами. Это была она, Китти, но совсем не похожая на себя. Там, во сне, Нина услышала, как Китти шепчет ее имя.

Нина подошла ближе. Веки Китти были усыпаны крошкой зеленых теней. Зеленые веки выглядели как листья. Нина присела на краешек кровати. Китти попала под запрет, потому что она опасна. Она говорила опасные вещи и совершала опасные поступки. Нина сглотнула комок, вставший в горле, и передала мертвой Китти всю информацию.

Твоя мама приедет, чтобы тебя забрать.

Она положила к ногам Китти синюю леденцовую мышку. У мышки был крошечный хвостик из тонкой веревочки. Нина нашла ее под кроватью у Китти.

Я принесла тебе мыло.

Она не раз наблюдала, как Китти ищет мыло, но в ее крошечной ванной не было ни кусочка, и она говорила, что потратила все деньги, чтобы

взять в прокате машину.

Я прочла твое стихотворение. По-моему, оно прекрасно. Лучшее стихотворение из всех, что мне доводилось читать.

Она процитировала Китти ее собственные строки. Не слово в слово, а так, как запомнила:

Двумя ногами прыжок вперед

Двумя ногами прыжок назад

Размышляя о способах жить

У Китти затрепетали веки, и Нина поняла, что она все переврала и запомнила стихотворение неправильно. Потом она попросила Китти высунуть язык, но Китти заговорила с ней на идиш или, может быть, по-немецки. Она сказала: «Вставай!» И Нина проснулась.

Деньги всегда жесткие

Он развязал белую атласную ленту ее накидки из перьев. Большая кровать под плотным парчовым балдахином напоминала пещеру. Она слушала вой автомобильной сигнализации за окном, крики чаек на подоконнике с той стороны. Она сосредоточенно разглядывала обои. Перья рассыпались по покрывалу, словно потерянные белой птицей, на которую напала лиса. Эту накидку она купила на блошином рынке в Афинах, но еще ни разу не надевала. Сегодня — впервые. Она где-то читала, что лебедь — символ умирающего по осени года. Почему-то это застряло в памяти и связалось с картинкой, как лебеди окунают голову в воду и опрокидываются вверх хвостом. Она приберегала накидку для особого случая, возможно, как раз для сегодняшнего; трудно сказать, что было у нее на уме, когда она отдала деньги за вещь из перьев, прежде спасавших от холода живую птицу. Точно такие же перья когда-то использовались для письма. Теперь он был в ней, но он и раньше был в ней — всегда, — она не скажет ему об этом, она все рассказала ему в своем стихотворении, которое

он не прочел. Автомобильная сигнализация стихла, стали слышны голоса за окном. Видимо, вор пытался залезть в машину, потому что теперь кто-то сметал с асфальта осколки стекла.

Потом, когда все закончилось, он приготовил ей ванну.

Они спустились в фойе, и она застыла под ослепительным светом хрустальной люстры, пока Джо своей перьевой ручкой подписывал какие-то бланки. Итальянец-портье вернул ему кредитную карту, швейцар распахнул перед ними стеклянную дверь. Все было так же, как раньше, но чуть-чуть по-другому. В баре, откуда они ушли два часа назад, пианист все так же наигрывал «Элинор Ригби», только теперь еще и подпевал. Пальмы, растущие вдоль двухполосной дороги, были подсвечены золотыми гирляндами. Сжимая в руке ключи от машины, Китти попросила Джо подождать пару минут: она хочет купить себе в киоске с конфетами леденцовую мышку. Мышки были разложены ровными рядами на серебряном подносе. Белые, желтые, розовые, голубые. Оттеснив от прилавка женщину-вьетнамку, покупавшую клубничный зефир, Китти принялась разглядывать крошечные хвостики, сделанные из веревки. В конце концов она выбрала синюю

мышку и уронила ключи, доставая из сумки монетки. Когда они подошли к машине, она сказала, что хочет есть. Ее заикание вернулось, изводя их обоих. Не будет ли он возражать, если они где-нибудь остановятся и съедят пы-пы-пы? Да, сказал он, я бы тоже не отказался от пиццы. Ночь была теплой, и они нашли ресторанчик с открытой верандой, неподалеку от церкви. Он впервые увидел, как она ест. Она быстро расправилась с тонкой пиццей с анчоусами, и он купил ей еще одну, с каперсами. Они пили красное вино, словно и вправду были влюбленной парой, каковой быть не должны. Она рассеянно трогала горевшие на столе свечи, оставляя на них отпечатки пальцев, а когда он попросил ее оторвать кусочек воска и сделать ему отпечаток на память, она ответила, что сейчас он и так весь покрыт отпечатками ее пальцев. Потом она рассказала о клинике в Кенте. В обеденный перерыв тамошние медсестры из Одессы хвастались друг перед другом своими засосами. Она написала об этом стихотворение, но не просит Джо прочитать и его. Просто сообщает, что оно войдет в ее первый сборник. Он предложил ей салат, положил артишоков и наблюдал, как она кусочком хлеба вычищает тарелку от масла. Они выпили еще вина, и она рассказала,

как лежала на белой койке, совершенно разбитая после шоковой терапии, и вдруг поняла, что английские доктора не стерли ей мысли, что они все-таки не сумели проникнуть ей в голову и т. д., но он знает, как это бывает, и, наверное, не надо об этом сейчас, когда ночь мягка и нежна на улицах старой Ниццы, в отличие от залитого солнцем дня, когда все вокруг жесткое и пахнет деньгами. Он слушал ее, и кивал, и не спрашивал ни о чем, но все равно знал, что в каком-то глубинном смысле они говорят о ее стихотворении. Спустя два часа, на полпути к дому, когда Китти горбилась над рулем на рискованных поворотах на горной дороге, он украдкой поглядывал на часы. Она отлично водила машину. Он невольно залюбовался руками, уверенно державшими руль. Ее тонкими бледными руками с восковой пленкой на кончиках пальцев. На дорогу выскочил кролик, Китти нажала на гудок, и машина вильнула.

Она попросила его открыть окно у пассажирского сиденья, чтобы ей было слышно, как в темноте перекликаются звери и птицы. Он опустил стекло и велел ей смотреть на дорогу.

— Да, — сказала Китти Финч, все-таки сосредоточившись на дороге. Когда она горбилась над

рулем, шелковое платье сползало с плеч. Он хотел ее кое о чем попросить. Деликатная просьба. Он надеялся, она поймет.

— Изабель лучше не знать, что случилось сегодня ночью.

Китти рассмеялась, и синяя мышка подпрыгнула у нее на коленях.

— Изабель уже знает.

— Что она знает?

Он сказал, у него кружится голова. Нельзя ли ехать помедленнее?

— Она поэтому и пригласила меня остаться. Она хочет от тебя уйти.

Почему она едет так быстро? У него кружится голова, ему кажется, он падает в пропасть, хотя, конечно же, никуда он не падал, а сидел на пассажирском сиденье во взятой в прокате машине. Неужели Изабель и вправду решила уйти от него после стольких лет брака и пригласила Китти Финч, чтобы та стала последней изменой, последней каплей? Он не осмеливался смотреть вниз на водопад, ревущий на скалах, не осмеливался смотреть вверх на деревья, цеплявшиеся корнями за склоны.

Он услышал собственный голос:

— Почему бы тебе не поехать в Пакистан? Ты

же хотела увидеть тамошние маковые поля.

— Да, — сказала она. — Ты поедешь со мной?

Он приподнял руку, лежавшую у нее на плечах, и посмотрел на слова, которые она вбила пером в его кожу. Его заклеймили, как клеймят скот, чтобы было видно, кто хозяин. Холодный горный воздух обжигал его губы. Она слишком быстро ехала по извилистой узкой дороге, где когда-то был лес. В этом лесу жили древние люди. Они наблюдали, как горит огонь и как солнце плывет по небу. Они читали по облакам и луне и пытались постичь человеческий разум. Когда ему было пять лет, папа спрятал его в польском лесу. Он знал, что нельзя оставлять следов, потому что ему надо по-настоящему потеряться, раствориться в ночи, чтобы уж точно не найти дорогу домой. Так сказал папа. Тебе нельзя возвращаться домой. Такое нельзя знать ребенку, но тогда было нельзя иначе.

— Почему ты не прочитал мое сы-сы-сы…

«Моя сладкая». Ей показалось, что он так сказал, когда она надавила на тормоза. Машина встала на краю обрыва. Его голос был искренне нежным, когда он произнес: «Моя сладкая». В его голосе что-то переменилось. У нее гудела голова, как после пятнадцати чашек крепчайшего кофе,

которые ты выпиваешь одну за другой. А потом заедаешь дюжиной кусков сахара. Она заглушила мотор, подняла рычаг ручного тормоза и откинулась на спинку сиденья. Наконец-то. Наконец-то он с нею заговорил.

— Это нечестно, когда ты даешь мне свое стихотворение и притворяешься, что хочешь узнать мое мнение о его литературных достоинствах, тогда как на деле ищешь причины жить. Или причины не умирать.

— Ты тоже ищешь причины жить.

Он наклонился к ней и поцеловал в закрытые глаза. Сначала — в левый, потом — в правый, словно она уже лежала в гробу.

— Я не лучший читатель твоего стихотворения. И ты это знаешь.

Она размышляла над его словами, посасывая синюю леденцовую мышку.

— Умереть — это не главное. Главное — принять решение умереть.

Он достал из кармана носовой платок и прикрыл им собственные глаза. Когда-то он поклялся себе, что его жена с дочкой никогда не увидят в его глазах страха, паники или растерянности. Он любил их обеих, жену и дочку, он любил их безумно, и поэтому они никогда не узнают, что

он замыслил уже давно. Непрошеные слезы изливались из него горячим потоком, как они изливались из Китти Финч в том саду, где были больные деревья и невидимые рычащие собаки. Он должен был извиниться за то, что не справился со своими желаниями, за то, что не выстоял до конца.

— Прости меня за все, что было в «Негреско».

— А что было в «Негреско» такого, за что теперь надо просить прощения?

Ее голос был мягким, уверенным и рассудительным.

— Я знаю, ты любишь шелк, поэтому я надела шелковое платье.

Он почувствовал, как она прикоснулась к его мокрой щеке. Ее волосы пахли его туалетной водой. Близость с ней подвела его к краю чего-то правдивого, настоящего и опасного. К краю всех мостов, где он подолгу стоял в раздумьях во многих городах Европы. Над Темзой, что течет на восток через Южную Англию и впадает в Северное море. Над Дунаем, что изливается из Шварцвальда, черного леса Германии, и несет свои воды к Черному морю. Над Рейном, который впадает в Северное море. Секс с Китти Финч подвел его к желтой ограничительной линии на всех

вокзалах и станциях, где он стоял и готовился сделать последний шаг. Паддингтон. Южный Кенсингтон. Ватерлоо. Однажды — в парижском метро. Дважды — в берлинском. Он давно думал о смерти. Мысль броситься в реку или под поезд мелькала всего на секунду, отдаваясь дрожью в коленях. Один удар сердца, резкий рывок, маленький шажок вперед, но потом — шаг назад. Всегда шаг назад. Обратно к пяти кружкам пива по цене четырех, к жареной курице, которую он готовил для Нины, к чашке крепкого чая, «Йоркшира» или «Тетли», но только не «Эрл Грея». Обратно к Изабель, которой никогда не было рядом.

Да, он не лучший читатель ее стихотворения. Он не тот человек, у кого стоит спрашивать, жить ей или умереть. Потому что он сам уже почти не здесь. Он так и не знает и, наверное, не узнает уже никогда, какую страшную катастрофу носит в себе Китти Финч. Она говорила, что забыла почти все, что помнила. Ему хотелось закрыться, как закрывается магазин Митчелла и Лоры в Юстоне. Все, что было открыто, должно закрыться. Его глаза. Его рот. Его ноздри. Его уши, которые все еще слышат. Он сказал Китти Финч, что прочитал ее стихотворение и с тех пор оно бьется у него внутри. Она настоящий поэт, проникновенный

и мощный, и ему искренне хочется, чтобы она воплотила свои мечты. Пусть непременно увидит Великую Китайскую стену, пусть приобщится к красочным грезам Индии, пусть не забудет и о чудесах ближе к дому, о таинственных светящихся озерах в Камбрии. У нее впереди еще столько всего интересного.

Уже стемнело. Китти сказала, что тормоза в прокатной машине совершенно убитые и что она ни черта не видит, даже собственных рук на руле.

Он сказал, что ей надо смотреть на дорогу, просто смотреть на дорогу, и пока он говорил, она целовала его и одновременно вела машину.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Жизнь стоит того, чтобы жить, лишь потому, что мы надеемся, что когда-нибудь все наладится и мы вернемся домой целыми и невредимыми. Но ты не вернулся домой невредимым. Ты вообще не вернулся домой. Поэтому я и приехала, Йозеф. Я примчалась во Францию, чтобы спасти тебя от твоих мыслей.

Нина-Екатерина

В субботу утром Нина проснулась еще до рассвета и сразу, как только открыла глаза, поняла: все изменилось. Балконные двери были распахнуты настежь, как будто ночью к ней кто-то проник. Увидев у себя на подушке листок желтой бумаги, свернутой в свиток, она поняла, что лучше бы ей заснуть снова и прятаться под одеялом весь день. Слова на желтой бумаге были написаны торопливым, неровным почерком человека, который очень спешил и явно умел обращаться со словом. Она прочитала записку и потихоньку спустилась вниз. Застекленные двери, ведущие во двор с бассейном, были открыты. Нина совсем не удивилась. Она знала, что так и будет. Она уже знала, что сейчас увидит.

В бассейне плавало что-то большое и темное. Присмотревшись получше, Нина увидела, что тело Китти даже не плавает в толще воды, а как бы стоит, погруженное вертикально. Оно было завернуто в клетчатый халат, но халат почти полностью соскользнул. Желтый надувной матрас отскочил от бортика бассейна и поплыл к телу.

Нина услышала собственный голос:

— Китти?

Голова находилась под водой, но низко, у самой поверхности. Лицо запрокинуто вверх, рот открыт. И только потом Нина увидела глаза. Открытые, остекленевшие глаза. Не Киттины.

— Папа?

Папа ей не ответил. Она подумала, что, наверное, он хочет над ней подшутить. Сейчас он вынырнет на поверхность и заревет, как медведь.

— Папа?

Его тело было таким большим, таким тихим. Все звуки, бывшие ее папой, все слова, фразы и внутренние монологи теперь растворились в воде. Нина знала только одно: она закричала, а потом в доме хлопнула дверь, и ее мама нырнула в бассейн. Митчелл тоже прыгнул в воду. Вместе они подтащили тело к бортику, обогнув желтый надувной матрас, и в четыре руки попытались поднять его из воды. Это было непросто, но они справились. Нина услышала, как ее мама что-то крикнула Лоре. Она наблюдала, как Митчелл склоняется над папиным телом и давит на него руками, давит и отпускает, давит и отпускает. Она услышала плеск воды: мама вытащила из

бассейна халат. Сначала Нина не поняла, почему он такой тяжелый, но потом разглядела, *что* именно мама вынула из кармана. Обкатанный морем камень размером с ее ладонь. Камень с дырочкой посередине. Нина увидела, как ее мама выгребла из карманов халата еще три камня из тех, что они с Китти собрали на пляже, и подумала, что, наверное, солнце уже взошло, потому что вода в бассейне изменила цвет. Она зябко поежилась и запрокинула голову к небу, но не увидела солнца.

Митчелл запустил пальцы в рот ее папы. Потом зажал ему нос. Митчелл пыхтел и, кажется, целовал папу в губы, снова и снова.

— Я не знаю. Не знаю.

Лора убежала в дом, крикнув что-то о памятке для отдыхающих. Где Юрген? Все кричали, что надо позвать Юргена. Нина почувствовала, как что-то коснулось ее волос. Китти Финч гладила ее по голове. Потом Китти увела ее в дом и усадила на диване в гостиной. Сказала: ты пока посиди, а мы с Лорой поищем памятку для отдыхающих. Следующие пять минут Нина только и слышала, что о памятке для отдыхающих. Где эта памятка? Кто-нибудь видел памятку для отдыхающих? Хотя Нина до сих пор не совсем понимала, кто умер,

кто жив — ее папа или Китти, — она послушно сидела на диване и тупо разглядывала репродукции Пикассо на стенах. Рыбий скелет. Синяя ваза. Лимон. И только услышав, как Лора кричит: «Это желтый листок. Памятка, она желтая», — Нина сообразила, что держит в руке листок желтой бумаги, и помахала им Лоре. Лора испуганно вздрогнула, потом выхватила у Нины листок и бросилась к телефону. Нина видела, как Лора растерянно смотрит на номера телефонов.

— Я не знаю, Китти. Не знаю, куда звонить.

Китти ответила тусклым, бесцветным голосом:

— В больницу в Грасе на Шеман де Клавари.

Пошел дождь. Нина услышала чьи-то рыдания и только потом поняла, что это рыдает она сама. Она оказалась снаружи себя и видела себя, стоящую у стеклянных дверей.

«Скорая» и полиция прибыли одновременно. Примчалась и Маделин Шеридан. Она кричала на Митчелла:

— Приподними ему голову, зажми ему нос! — Нина видела, как пальцы старухи шарят по папиной шее в поисках пульса. — Митчелл, его нельзя класть на бок. Кажется, у него поврежден позвоночник.

Потом Нина услышала, как старуха восклик-

нула:

— Вот оно где…

Нина рыдала под дождем, потому что до сих пор не понимала, что произошло. Подбежав к маме, она сама поразилась тому, как громко плачет. Похоже на истерический смех, только это был вовсе не смех. Ее губы застыли, растянувшись в судорожном оскале, она ощущала болезненные толчки в диафрагме. Она хмурилась и чем громче рыдала, тем больше хмурилась. Мама ее обнимала, гладила по голове. Мамина ночная рубашка была холодной и мокрой. От нее пахло дорогими кремами. Когда Нина была совсем маленькой, она придумала себе страшную игру, в которой мысленно выбирала, кого из родителей она оставила бы в живых, если бы ей пришлось потерять кого-то одного. Она истязала себя этой игрой, а сейчас зарылась лицом в мамин живот, потому что знала: она ее предала и предавала не раз.

Мамин живот у нее под щекой был таким мягким и беззащитным, что Нина расплакалась еще горше, и мама, наверное, знала, о чем она думает, потому что шептала ей на ухо, слова шелестели почти беззвучно, как подхваченный ветром осенний лист:

— Это не страшно, не страшно.

Папу перенесли на носилки. Полицейские собрались осушать бассейн. Юрген тоже был здесь. Крепко сжимая в руках метлу, он энергично подметал каменный пол вокруг кадок с растениями. Он даже сподобился надеть синий комбинезон и стал похож на нормального ответственного смотрителя.

Репортаж с места событий

Изабель присела на корточки рядом с носилками и взяла Йозефа за руку. Сначала ей показалось, что у него по руке расползлись муравьи, но потом она разглядела поблекшие черные буквы, гласные и согласные, натыкавшиеся друг на друга.

И
Д
Е
Т
Д
О
Ж
Д
Ь

Она слышала, как гудят пчелы, слышала собственный настойчивый голос, требующий, чтобы мужу вызвали вертолет «скорой помощи», но чаще всего в ее сбивчивой речи звучало его имя.

Йозеф. Пожалуйста, Йозеф. Йозеф. Йозеф, пожалуйста.

Зачем он изрезал себе руку ручкой? Когда это было? Как он это стерпел и что это значит? Она

стиснула его пальцы и потребовала объяснений, пообещав, что взамен объяснится сама. Она рассказала ему, как отчаянно ей хотелось почувствовать его любовь, льющуюся на нее бесконечным дождем. Она мечтала об этом дожде все долгие годы в их странном нетрадиционном браке. Врачи «скорой помощи» попросили ее отойти и не путаться под ногами, но она не сдвинулась с места, потому что до этой минуты всегда отходила в сторонку, чтобы не путаться у него под ногами. Любовь к этому человеку была величайшим риском в ее жизни. Опасностью, подстерегавшей на каждом шагу. Угрозой, таившейся в его строфах. Она это знала с самого начала. Знала всегда. Он зарывал неразорвавшиеся снаряды на дорогах и тропах, проходящих сквозь все его книги, прятал в каждом своем стихотворении, но если он сейчас умрет, ее дочери придется жить в мире, разрушенном навсегда, и это злило ее больше всего.

Йозеф. Пожалуйста, Йозеф. Йозеф. Йозеф. Пожалуйста.

Она вдруг поняла, что кто-то отводит ее в сторонку и что она чувствует запах крови.

Крупный мужчина с бритой налысо головой и револьвером на поясе задавал ей вопросы. На

каждый заданный им вопрос у нее не было однозначных ответов. Как зовут ее мужа?

Йозеф Новогроджский по паспорту. Джо Гарольд Джейкобс по всем остальным документам. На самом деле она не уверена, что Новогроджский — его настоящая фамилия, но именно эту фамилию его родители вписали в паспорт. Она не сказала инспектору, что ее мужа называли многими именами: ДГД, Джо, Йозеф, знаменитый поэт, британский поэт, поэт-паскуда, еврейский поэт, поэт-атеист, поэт-модернист, поэт пост-Холокоста, донжуанствующий поэт. Где родился месье Новогроджский? В Польше. В городе Лодзь. В тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Нет, она не знает, как записать «Лодзь» по-французски. Как звали его родителей? Она не уверена, что сможет выговорить их имена. У него были братья и сестры? Да. Нет. У него была младшая сестра. Ее звали Фрига.

Инспектор был явно обескуражен. Изабель делала то, что умела лучше всего.

Она вела для него репортаж, хотя ее новости несколько устарели. В тысяча девятьсот сорок втором, когда мужу было пять лет, его тайком переправили в Великобританию, еле живого от голода и с фальшивыми документами. Через

три дня после его отъезда его родителей и двухлетнюю сестру депортировали в лагерь смерти Хелмно в Западной Польше. Инспектор, плохо понимающий по-английски, выставил руку перед собой, словно собрался остановить поток машин на оживленной дороге. Он сказал супруге еврейского поэта, что он, безусловно, сочувствует Польше, захваченной немцами в тысяча девятьсот тридцать девятом году, но вынужден подчеркнуть, что сейчас он расследует убийство в Приморских Альпах в тысяча девятьсот девяносто четвертом. Готова ли она подтвердить, что месье Новогроджский — или все-таки месье Джейкобс — оставил их дочери предсмертную записку? Или это было стихотворение? Или, возможно, улика? Как бы то ни было, запись была адресована Нине-Екатерине. Инспектор убрал желтую памятку для отдыхающих в прозрачный пластиковый пакет. На одной стороне листа была инструкция, как включать посудомоечную машину. На другой — пять размашистых строк, написанных черной перьевой ручкой. Видимо, это были инструкции для дочери.

Еще не было и шести утра, а вся деревня уже знала, что произошло. Когда Клод приехал на виллу с пакетом свежего хлеба, Митчелл, у кото-

рого в кои-то веки отсутствовал аппетит, прогнал его прочь, свирепо сверкая глазами, все еще красными после вынужденного купания в мутной хлорированной воде. Врачи уже заносили носилки в машину. Изабель сказала Нине, что она едет с ними. По дороге в больницу ее отца подключат к аппарату искусственного дыхания и сделают ему промывание желудка. «Скорая помощь» выехала за ворота. Нина почувствовала, как Клод взял ее под руку и куда-то повел. В дом Маделин Шеридан, называвшийся Розовым домом, хотя он был голубым. Она увидела Юргена, обнимавшего Китти Финч. Она услышала вопль Митчелла:

— Убирайся отсюда и больше не возвращайся!

Ответ Китти услышали все. Она произнесла это шепотом, но с тем же успехом могла и выкрикнуть во весь голос, потому что просто озвучила то, что все и так уже знали.

— Он застрелился из твоего ружья, Митчелл.

Необъятная туша Митчелла согнулась пополам. Что-то случилось с его глазами, носом и ртом. Потоки слез, соплей и слюны текли из дыр у него в голове. Без единого выстрела у него на лице образовалось пять дырок: чтобы дышать, чтобы смотреть, чтобы принимать пищу. Все смотрели на Митчелла, который не видел вообще

ничего, кроме каких-то размытых пятен. Они были толпой, состоящей из дыр, как и он сам. Как защититься от толпы, когда все показывают на тебя пальцем? Он скажет полиции правду. Когда пропало одно из персидских ружей с прикладом из черного дерева, он решил, что его забрала полоумная девчонка, которой не нравилось, что он охотится на животных. В доме звонил телефон, потом перестал звонить, и Митчелл услышал, как завывает Лора. Внутри все болело. Кажется, он надорвался, когда вытаскивал из воды тело. Оно было такое тяжелое. Оно было тяжелое, как медведь.

Нина Джейкобс
Лондон, 2011

Каждый раз, когда мне снятся сны из двадцатого века, сны об отце, я просыпаюсь и тотчас же забываю свои пароли на EasyJet и Amazon. Как будто они переселяются из моей головы в его голову, и где-то здесь, в двадцать первом веке, он сидит рядом со мной в автобусе, пересекающем Лондонский мост, и наблюдает, как дождь стучит по трубе Современной галереи Тейт. Наши с ним разговоры никак не относятся к этому веку, но я все равно спрашиваю у него: почему он никогда не рассказывал мне о своем детстве? Он отвечает, что очень надеется, что мое собственное детство было не таким уж плохим, и помню ли я котят?

От наших котят (Агнешки и Алиции) всегда совсем чуточку пахло диким зверьком, и в детстве мне нравилось их причесывать папиной щеткой для волос. Я клала их к себе на колени и расчесывала им шерстку, а котята тихонько урчали и гладили мою руку мягкими лапками. Ближе к попе их шерсть сбивалась колтунами, потому что они были еще совсем маленькими и не умели

вылизываться как следует. Иногда я забывала убрать с дивана комочки шерсти, и папа делал вид, будто он их глотает. Он широко открывал рот и притворялся, что проглотил комок шерсти, и тот застрял у него в горле, и теперь он задыхается. Папа всю жизнь пытался понять, почему у людей камни на сердце, ветер в голове, бельма на глазах, рты на замках, мурашки по коже, груз на плечах, а душа в пятках, и если бы люди выкашливали комья шерсти, он изучал бы и их.

Нет, говорит он. Я бы не стал изучать комки шерсти.

Мы оба согласны, что научились ладить друг с другом. Он стирал мои блузки, колготки и футболки, пришивал пуговицы к моим кофтам, искал потерявшиеся носки и учил меня, что не надо бояться людей, которые в автобусах разговаривают сами с собой.

Да, говорит папа, чем ты сейчас и занимаешься.

Нет, отвечаю я, я занимаюсь совсем другим. Я не высказываю свои мысли вслух. Я не сумасшедшая. Никто в этом автобусе не слышит, как я разговариваю с тобой.

Да, говорит папа, но никто не обратил бы внимания. Сейчас у всех мобильные телефоны, и все

по ним разговаривают.

У меня до сих пор сохранилось пляжное полотенце, которое он мне купил в сувенирной лавке в Ницце. На фоне синего неба написано солнечно-желтыми буквами: Côte d'Azur Nice Baie des Anges. Туристы на пляже представлены черными точками, за пляжем проходит дорога, вдоль дороги зеленеют пальмы. Справа — розовый купол отеля «Негреско» с французским флагом, реющим в полотенично-синем небе. Не хватает лишь Китти Финч с ее медно-рыжими волосами до пояса. Китти Финч в ожидании, когда мой отец прочтет ее стихотворение. Если само ее имя — как птичья трель, возможно, она выпевала странные песни. Или это был зов, крик о помощи, обращенный к моему отцу. Но каждый раз, когда я вспоминаю о ней и о гальке, которую мы собирали на пляже, мне сразу хочется провалиться сквозь дырочки в тех камнях и выпасть из этого мира. Поэтому я заменю ее папой, идущим по улицам пятого по величине города Франции, мимо его монументов и статуй, по пути в лавку, где он купит сотовый мед для моей мамы. Все происходит в 1994 году, но папа (у него в руке эскимо, а не мобильный телефон) разговаривает сам с собой. Наверное, о чем-то тяжелом, серьезном, связанном с его про-

шлым. Я никогда не понимала, где начинается прошлое и где оно завершается, но в отличие от городов, размечающих прошлое бронзовыми статуями, навечно застывшими в одной неизменно торжественной позе, у меня еще ни разу не получилось заставить его стоять смирно. Прошлое движется и шелестит, протекая сквозь каждый мой день.

В следующий раз, когда я поеду в автобусе, пересекающем Лондонский мост, и дождь будет стучать по трубе Современной галереи Тейт, я скажу папе, что в биографиях знаменитых людей мне интересно только одно: как они рвали с семьей и как потом переживали разрыв до конца своих дней. Моя дочка, когда я укладываю ее спать и желаю добрых снов, понимает, что я хочу для нее только добра. Но, как и все дети, дочка знает, что родители не могут решать за детей, какими будут их сны. Дети знают: им надо самим окунаться в свои сновидения, выпадая из жизни, а потом возвращаться обратно в жизнь, потому что так надо. Жизнь должна отвоевывать нас у грез. Но я все равно говорю: «Добрых снов».

Я говорю это каждую ночь, особенно когда идет дождь.